
III. АСЕССОРЫ «МАЙОРСКИХ» КАНЦЕЛЯРИЙ, УЧРЕЖДЕННЫХ 9 ДЕКАБРЯ 1717 ГОДА

«И ПО ИМЯННОМУ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА УКАЗУ... ОПРЕДЕЛЕН К СЛЕДСТВЕННЫМ ДЕЛАМ»: И. И. БАХМЕТЕВ

1721 года ноября 25 дня в городе Санкт-Петербурге император Петр Великий среди прочих государственных дел озаботился не вполне ординарным вопросом: что предпринять с останками бывшего сибирского губернатора князя М. П. Гагарина, осужденного за преступления против интересов службы и публично повешенного в Санкт-Петербурге 16 марта? И государь предписал не снимать тело с виселицы — для наглядной острастки взяточникам и казнокрадам*.

В тот же день в следственной канцелярии гвардии майора И. И. Дмитриева-Мамонова, осуществлявшей предварительное следствие по делу М. П. Гагарина, был зафиксирован переданный в устной форме именной указ о том, чтобы «князь Матвея Гагарина, с виселицы ис петли сняв и зделав железную чепь, подцепить на той же виселице, где

* Склонность Петра I запрещать в качестве дополнительной уголовно-правовой санкции погребать тела казненных проявилась еще во время «стрелецких казней» в 1698 году. Как известно, не были преданы земле и тела казненных по делу царевича Алексея Петровича. Впрочем, первый российский император отнюдь не явился новатором в применении подобной санкции. Как показал петербургский историк Е. В. Анисимов, традиция факультативного незахоронения тел (или частей тел) осужденных протянулась с XVII века. Петр I стал применять эту устрашающую санкцию по отношению не только к лицам, осужденным за государственные преступления, но также и к лихоимцам и казнокрадам. Например, приговорив 24 февраля 1712 года к смертной казни изобличенного во взяточничестве коменданта города Луха Ф. А. Волкова, царь специально предписал «труп его в землю не хоронить (но чтоб лежал поверх земли, видим всем)». Кроме того, как уже упоминалось, первый император начал изредка практиковать *посмертные* казни, когда «эксекуция» осуществлялась в отношении уже умершего преступника.

он ныне был»⁵⁸². Исполнить указ Иван Дмитриев-Мамонов незамедлительно поручил гвардии капитан-поручику И. И. Бахметеву.

28 ноября Иван Бахметев доложил руководителю следственной канцелярии о выполнении государева поручения. Причем Иван Бахметев не ограничился перевешиванием останков князя Матвея Петровича на цепь, но и самостоятельно предпринял дополнительные меры по наилучшему их сохранению. Согласно доношению капитан-поручика «оного Гагарина тело с виселицы снято и повешено на железной чепи на поставленной на том же месте другой виселице. А она [прежняя] по осмотру была зело гнила и худа, того ради я ее приказал срубить»⁵⁸³.

Кто же такой был гвардии капитан-поручик И. И. Бахметев? И почему выполнение столь деликатного государева указа оказалось поручено именно ему?

Иван Иванович Бахметев* принадлежал к незнатной дворянской фамилии, родоначальником которой считался татарский мурза Аслан-Бахмет (Аслам Бахмет), выехавший во второй трети XV века на службу к великому князю московскому Василию II Васильевичу и принявший православие под именем Иереми⁵⁸⁴. На протяжении веков род Бахметевых изрядно разветвился. Достаточно сказать, что только в состав «царедворцев» в XVII веке входил 21 представитель рода⁵⁸⁵.

Исходя из поколенной росписи рода Бахметевых⁵⁸⁶, Ивана Ивановича следует полагать сыном стольника Ивана Ефремовича Бахметева, прошедшего на государственной службе более пятидесяти (!) лет. Успевший принять участие еще в подавлении восстания Степана Разина в 1670—1671 годах, И. Е. Бахметев командовал впоследствии иррегулярными формированиями калмыков и башкир в Крымских и Азовских походах, в начальных кампаниях Великой Северной войны и в Кубанском походе 1711 года. Затем он трудился на руководящих административных должностях в Поволжье и Башкирии: был саратовским комендантом (1713—1714), уфимским обер-комендантом (1714—1719) и, наконец, воеводой Уфимской провинции (1719—1722)⁵⁸⁷.

* В документах первой половины XVIII века фамилия «Бахметев» писалась также как «Бахметьев» и «Бахметов». Иван Иванович упоминался неизменно как «Бахметев», и именно так он расписывался.

Относительно времени рождения И. И. Бахметева существуют два взаимопротиворечивых документальных свидетельства. Согласно надгробной надписи, Иван Иванович родился в июне 1683 года⁵⁸⁸. В свою очередь, сам Иван Иванович указал в декабре 1754 года, что «от роду мне ныне семдесятый год»⁵⁸⁹ (то есть в этом случае годом его рождения следует полагать 1684-й).

Однако в каком бы году в точности ни родился И. И. Бахметев, о его детстве и юности почти ничего не известно. Удалось лишь установить, что в отличие от своих старших родственников Иван Иванович не сумел попасть в ряды «царедворцев», не получив даже низшего чина «жильца»⁵⁹⁰. Наряду с этим в ранние годы Иван Бахметев вполне овладел русской грамотой. Как явствует из многочисленных сохранившихся его автографов, он уверенно владел пером, писал четко, связно, несколько растягивая начертания букв.

Что касается частной жизни И. И. Бахметева, то в апреле 1724 года в Москве он оформил «сговорную» запись о женитьбе на «девице» Гликерии Григорьевне, дочери стольника Г. И. Полибина. Невеста была богатой: в качестве приданого будущий тесть обязывался передать Ивану Бахметеву «платья... и алмазных вещей» на внушительную сумму — три тысячи рублей, да еще 10 тысяч (!) рублей на покупку деревень⁵⁹¹. Являлся ли этот брак Ивана Ивановича единственным и сколько лет он продлился, установить к настоящему времени не удалось.

Благодаря сохранившемуся до наших дней архивному документу, содержащему запись устных показаний И. И. Бахметева от 23 декабря 1754 года о прохождении им государственной службы (в правовой терминологии XVII—XVIII веков такие записи назывались «сказками»), известно, что он был призван в армию в декабре 1703 года, явившись на смотр молодых дворян в село Преображенское — подмосковную резиденцию Петра I. Насколько возможно понять из «сказки» Ивана Ивановича, именно будущий император определил его рядовым в гвардии Семеновский полк⁵⁹². И очень скоро солдат Иван Бахметев оказался в самом пекле Великой Северной войны.

Как полвека спустя повествовал Иван Иванович, «в 704-м году при оном полку [Семеновском] был при отаке и взятъе и на штурме города Нарвы. В 705-м году в Литве, в Курляндии и при отаке, взятъе города Нитава [Митава]. В 706-м году в Гродне в осаде, в 707-м году на Вальне [Волыни]. В 708-м году в Литве, где пожалован сержантом, и

был в разных партиях*. В том же 708-м году в августе был на акцы[и] под Добрым. В том же 708-м году в сентябре на Левенгоп[т]ской батали[и]**, где дважды и ранен. И в том же году, по имянному... указу, пожалован в тот же полк прапорщиком»⁵⁹³.

Далее гвардии прапорщик Иван Бахметев принял участие в Полтавской битве, в осаде и взятии Выборга, в Прутском походе 1711 года. После выхода российской группировки из «прутского котла» И. И. Бахметев был произведен в подпоручики, а в 1712 году — в поручики.

В последующее пятилетие И. И. Бахметеву довелось вновь в рядах Семеновского полка ежегодно участвовать в боевых действиях. С 1714 года основная часть полка (в составе которой был и Иван Бахметев) стала регулярно направляться для несения боевой службы на галерах Балтийского флота (то есть по существу семеновцы оказались временно превращены в морскую пехоту). В частности, находясь на галере, Иван Иванович принял участие в морском сражении в Рилакс-фиорде у полуострова Гангут 27 июля 1714 года.

В сентябре 1717 года после двухлетней зарубежной кампании галерная флотилия возвратилась в Ревель, высадив гвардейцев на берег. 27 октября частично переформированные подразделения Семеновского полка двинулись на зимние квартиры в Псков⁵⁹⁴. Однако добраться до Пскова той осенью Ивану Бахметеву оказалось не суждено.

11 ноября состоявший при Петре I генерал-лейтенант князь В. В. Долгоруков направил командиру Семеновского полка князю П. М. Голицыну царский указ о его немедленном прибытии в Санкт-Петербург. Вместе с полковым командиром в новую столицу предписывалось командировать еще семерых офицеров-семеновцев, среди которых значился и «порутчик Иван Бахметев»⁵⁹⁵.

Внешне обычный вызов в Санкт-Петербург явился прологом к изрядным переменам в жизни упомянутых в письме гвардейцев. Для начала собранные гвардейцы (помимо семеновцев туда были направлены еще восемь офицеров Преображенского полка), по всей очевидности, образовали уже не раз упоминавшееся военно-судебное присутствие, перед которым предстал глава первой следственной канцелярии в истории России майор Семеновского полка князь

* То есть в разведывательных поисках.

** Имеется в виду знаменитое сражение 28 сентября 1708 года со шведским корпусом генерала А. Л. Левенгаупта при деревне Лесной.

М. И. Волконский, обвиненный в совершении преступлений против интересов службы. Однако, вызывая в столицу группу лично известных ему «от гвардии штап- и обор-афицеров», Петр I не собирался ограничиваться проведением судебного процесса над Михаилом Волконским.

Как уже отмечалось, в это время будущий император приступил к выработке проекта о реорганизации специализированных органов следствия, решив создать целостную систему канцелярий, нормативной основой для деятельности которых должен был стать особый типовой «Наказ».

По всей вероятности, в конце ноября — начале декабря 1717 года царь подготовил два ключевых документа: предварительную роспись следственного состава новых следственных канцелярий (с реестром подлежащих расследованию резонансных уголовных дел)⁵⁹⁶ и черновой проект того самого типового «Наказа» их руководителям⁵⁹⁷. Объявление об учреждении новых семи канцелярий, вскоре названных царем «майорскими», и обнародование «Наказа» состоялось в Санкт-Петербурге 9 декабря 1717 года — в день описанной выше публичной казни Михаила Волконского.

Что касается гвардии поручика И. И. Бахметева, то он изначально оказался определен ассессором (младшим сотрудником коллегиального следственного присутствия) в канцелярию, презусом которой стал его многолетний старший однополчанин майор И. И. Дмитриев-Мамонов. Как уже говорилось, канцелярия Ивана Дмитриева-Мамонова получила в производство подборку уголовных дел, возбужденных фискальской службой России в отношении сенатора князя Я. Ф. Долгорукова, сенатора П. М. Апраксина, главы Мундирной канцелярии М. А. Головина и сибирского губернатора князя М. П. Гагарина.

Помимо Ивана Бахметева ассессорами в канцелярию были определены капитан Семеновского полка И. М. Лихарев и капитан-поручик Преображенского полка Е. И. Пашков (о нем еще пойдет речь). В 1718 году ассессором канцелярии дополнительно был определен капитан-поручик Семеновского полка А. Г. Шамордин. Таким образом, попав в следственную канцелярию, Иван Иванович оказался в привычной ему среде давних сослуживцев-семеновцев.

В полной мере представить следственную деятельность И. И. Бахметева к настоящему времени не удалось. С одной стороны, как известно, архив канцелярии И. И. Дмитриева-Мамонова сгорел при пожаре в Московском кремле 29 мая 1737 года, с другой — сам Иван Иванович, повествуя

об этих событиях в декабре 1754 года, ограничился более чем лаконичной фразой: «...по имянному... указу определен к следственным делам в канцелярию с мазором Дмитриевым-Мамоновым»⁵⁹⁸.

Вместе с тем, как уже не раз упоминалось, крупнейшим из уголовных дел, находившихся в производстве канцелярии Ивана Дмитриева-Мамонова, было так называемое «сибирское», фигурантами которого, помимо М. П. Гагарина, стала большая группа сибирских администраторов, и уже в 1719 году в правительственном делопроизводстве канцелярию все чаще именовали «Сибирской».

В числе иных гвардейских офицеров И. И. Бахметев был включен в состав специального судебного присутствия, учрежденного для рассмотрения дела отрешившегося от прав на престол царевича Алексея Петровича. На приговоре царевича к смертной казни⁵⁹⁹ подпись гвардии поручика Ивана Бахметева стоит 85-й по счету.

Следует отметить, что работа в следственной канцелярии не освободила И. И. Бахметева, как и других ассессоров и презусов, ни от прежних строевых обязанностей, ни от участия в боевых действиях. В 1718 и 1721 годах Ивану Ивановичу довелось принять участие в последних за Великую Северную войну «походах на галерах» — в десантных операциях непосредственно на побережье Швеции. За эти годы он успешно продвинулся в чинах: в 1719 году стал капитан-поручиком, а 1 января 1721-го — капитаном, командиром 4-й роты Семеновского полка⁶⁰⁰.

Как бы то ни было, не вызывает сомнений, что И. И. Бахметев внес посильный вклад в расследование «сибирского дела». Своеобразным эпилогом чего стало описанное выше исполнение им в ноябре 1721 года именного указа о перевешивании на цепь останков казненного Матвея Гагарина.

По причудливому изгибу судьбы, всего двумя месяцами ранее, в сентябре 1721 года, были взяты под стражу и отправлены в Санкт-Петербург родной дядя Ивана Бахметева, упоминавшийся саратовский комендант Дмитрий Ефремович, и его сын майор И. Д. Бахметев, обвиненные губернатором Артемием Волынским в «многих воровствах»⁶⁰¹. Несмотря на то что оба они были приговорены к выплате значительного штрафа, эта история никак не повлияла на карьеру гвардии капитана И. И. Бахметева.

В следственной канцелярии И. И. Дмитриева-Мамонова Иван Бахметев проработал до самой ее ликвидации в 1723 году. Насколько возможно судить по сохранившимся

фрагментам делопроизводства канцелярии И. И. Дмитриева-Мамонова, последним документом, который подписал Иван Бахметев, явилось уже упоминавшееся постановление канцелярии от 9 декабря 1723 года о посмертном повешении тела бывшего томского коменданта Р. А. Траханиотова⁶⁰², приговоренного к смертной казни Нижним воинским судом и скоропостижно скончавшегося до приведения приговора в исполнение.

Однако место асессора следственной канцелярии И. И. Бахметев сменил первоначально на иную следственную должность. Дело в том, что в начале января 1723 года, вернувшись в Москву из Персидского похода, Петр I занялся подготовкой судебного разбирательства обвинений, выдвинутых друг против друга обер-прокурором Сената генерал-майором Г. Г. Скорняковым-Писаревым (о нем еще пойдет речь) и вице-президентом Коллегии иностранных дел сенатором бароном П. П. Шафировым.

В рамках этой подготовки император запросил список гвардейских офицеров, находившихся в тот момент в бывшей столице, предполагая выбрать из них судей для будущего специального судебного присутствия. В представленном 8 января списке Петр I собственноручно отметил семь фамилий, включая И. И. Бахметева⁶⁰³. И хотя в составе судебного присутствия, сформированного 9 января, Ивана Ивановича не оказалось (как и отмеченного в том же списке И. Е. Пашкова)⁶⁰⁴, очень скоро он был привлечен к его деятельности.

17 января император распорядился назначить гвардии капитанов И. И. Бахметева и А. Г. Шамордина «особливыми асесорами» для расследования выделенного в отдельное производство дела «о росходе парижском»⁶⁰⁵, по которому П. П. Шафиров обвинялся в хищении казенной валюты в период сопровождения царя в зарубежном путешествии 1716—1717 годов. Иными словами, Иван Бахметев был назначен следователем судебного присутствия (очень скоро преобразованного в постоянно функционировавший Вышний суд). В этом отношении Ивана Ивановича (как и Авраама Шамордина) следует признать первым судебным следователем в истории государства и права России.

Оказавшийся в январе 1723 года в статусе подсудимого барон Петр Шафиров (1673—1739) неоспоримо являлся одним из наиболее выдающихся сподвижников Петра Великого. Сын холопа, Петр Павлович начал трудовой путь со скромной должности переводчика и впоследствии сумел

стать одним из руководителей дипломатического ведомства России. Именно П. П. Шафиров сыграл ключевую роль в заключении 12 июля 1711 года Прутского мирного договора с Турцией, благодаря которому российская армия сумела благополучно эвакуироваться из опаснейшего «прутского котла», в котором рисковал сложить голову и гвардии прапорщик И. И. Бахметев.

Однако все заслуги Петра Шафирова никак не отменяли серьезных подозрений в совершении им череды криминальных деяний. Сложность предстоящего Ивану Бахметеву и Аврааму Шамордину расследования заключалась в том, что по делу отсутствовали какие-либо улики, в частности соответствующие приходо-расходные документы.

Неудивительно, что дело по обвинению П. П. Шафирова в казнокрадстве, выдвинутому секретарем Федором Протопоповым, разбиралось Юстиц-коллегией и закончилось тем, что последний в декабре 1720 года был осужден на пожизненную ссылку на галеры — за «неправый донос»⁶⁰⁶. В довершение всего 15 января 1723 года П. П. Шафиров подал императору повинную челобитную, в которой признал два эпизода из выдвинутых против него обвинений, но ни словом не упомянул о хищении казенной валюты⁶⁰⁷.

Как бы то ни было, 13 февраля 1723 года Вышний суд, сочтя доказанными два эпизода превышения П. П. Шафировым должностных полномочий и эпизод служебного подлога, приговорил его к лишению чинов, орденов, конфискации имущества и смертной казни⁶⁰⁸. Приведение приговора в исполнение было назначено на 15 февраля, местом публичной «эзекуции» была определена площадь у здания Московской конторы Сената в Кремле⁶⁰⁹.

Завершение судебного процесса привело, однако, к неожиданному повороту в деле о «парижском расходе». Вечером 14 февраля осужденный Петр Шафиров, попросив доставить его на допрос к И. И. Бахметеву и А. Г. Шамордину, признался в присвоении «по слабости своей» казенных валютных средств в сумме 2475 ливров и 63 золотых⁶¹⁰.

Знакомившийся с материалами судебного дела П. П. Шафирова и Г. Г. Скорнякова-Писарева в конце 1850-х годов и опубликовавший их в виде детального пересказа управляющий Московским архивом Министерства юстиции действительный статский советник П. И. Иванов предположил, что Петр Шафиров признался в эпизоде, не вошедшем в приговор, «готовясь предстать пред суд более

страшного Судьи», иными словами, по религиозным мотивам⁶¹¹. Подобное предположение, думается, не лишено оснований. Как бы то ни было, при всей конечной неясности мотивов, побудивших Петра Павловича к запоздалому чистосердечному признанию, картина с эпизодом хищения казны вполне прояснилась.

Прояснилась также и причина отсутствия соответствующих финансовых документов: П. П. Шафиров поведал Ивану Бахметеву и Аврааму Шамордину, что отследил передвижение по почте пакета со своими расписками в приеме казенных денег. Приказав затем почтмейстеру доставить пакет к себе на дом, вице-президент Коллегии иностранных дел Петр Шафиров собственноручно вскрыл его, извлек и сжег расписки, а затем зашил и отправил обратно к почтмейстеру⁶¹².

Следователем, а затем и судьей Вышнего суда гвардии капитан И. И. Бахметев проработал до 1725 года, почти до времени его закрытия. Остается добавить, что дело о «неправой записке парижского росходу» так и не дошло до приговора. Числившееся в производстве Вышнего суда, это дело было при ликвидации суда в марте 1726 года отослано в Сенат⁶¹³, где о нем окончательно забыли. Что касается П. П. Шафирова, то, будучи помилован Петром I (несомненно, в память о заслугах при Пруте), он был освобожден из-под стражи сразу после смерти первого российского императора указом от 30 января 1725 года благоволившей к нему Екатерины I⁶¹⁴.

А Ивана Бахметева впереди ожидала еще долгая и успешная военная и правительственная карьера. В 1726 году он расстался с Семеновским полком, став «полевым» полковником, командиром Астраханского пехотного полка. В январе 1733 года был произведен в генерал-майоры⁶¹⁵.

Впрочем, ровно через девять лет после ликвидации «майорской» канцелярии И. И. Дмитриева-Мамонова Иван Иванович вновь был призван, хотя и ненадолго, на следственное поприще. Причем одновременно еще с одним бывшим ассессором упомянутой канцелярии — А. Г. Шамординым. По именному указу от 8 декабря 1732 года командир Астраханского полка И. И. Бахметев и командир Ингерманландского пехотного полка полковник А. Г. Шамордин были направлены из Санкт-Петербурга для расследования злоупотреблений воевод и иных должностных лиц местной администрации: Иван Бахметев — в Великие Луки, Авраам Шамордин — в Торопец⁶¹⁶.

В инструкции, подписанной императрицей Анной Иоанновной и врученной И. И. Бахметеву «того ж декабря 8 дня 1732 году в вечеру», грозно возглашалось: «Известно нам [императрице] учинилось, что на Великих Луках... и всей той провинции при прежних бывших там комендантах, воеводах, ландратах... чинились многия преступления, похищения и упущения и прочие непорядки, противные указам, регламентам и нашему* интересу и к тягости и озлоблению наших верных подданных, которые еще... и донныне продолжаютя...»⁶¹⁷

В ходе следственных действий И. И. Бахметеву предписывалось (вполне в духе Наказа «майорским» канцеляриям) «во всем поступать, как честному и верному офицеру и как ревностному судье... надлежит, не маня никому, ниже посягая на кого. И ничего того, что до нашего высокого интереса касаться и принадлежать будет, ни малейшего отнюдь не упустить, как о том дать ответ пред богом и пред судом»⁶¹⁸. Разве что о судьбе расстрелянного Михаила Волконского в инструкции не упоминалось.

Увы, о ходе и итогах великолукской миссии полковника Ивана Бахметева никаких подробностей выявить к настоящему времени не удалось. Известно лишь, что в сентябре 1734 года производство дальнейшего расследования в Великих Луках было передано гвардии секунд-майору Петру Воейкову⁶¹⁹. Что касается Ивана Ивановича, то он еще в мае был высочайше командирован на театр военных действий, на этот раз в Польшу⁶²⁰.

В Польше в 1734—1735 годах генерал-майор И. И. Бахметев участвовал в боевых действиях в поддержку русского ставленника Августа III. Затем воевал на Русско-турецкой войне 1735—1739 годов. При штурме крепости Очаков** в июле 1737 года получил два ранения, а затем был назначен обер-комендантом захваченной крепости. Остается надеяться, что эти страницы боевой биографии Ивана Ивановича еще будут освещены историками.

2 марта 1740 года Иван Иванович Бахметев был назначен сенатором⁶²¹, в ноябре — произведен в генерал-лейтенанты, а 14 августа 1741 года пожалован в кавалеры ордена Святого Александра Невского⁶²². Успел он поучаствовать и в боевых действиях в Финляндии в русско-шведскую войну 1741—1743 годов.

* То есть государственному.

** Ныне город, административный центр одноименного района Николаевской области Украины.

Окончательный переход Ивана Ивановича на государственную гражданскую службу состоялся 3 сентября 1753 года, когда императрица Елизавета Петровна произвела его в действительные тайные советники (II класс Табели о рангах, соответствовал генерал-аншефу в армии). Двух сыновей-погодков — Николая, родившегося в 1730 году, и Григория — Иван Бахметев отдал в 1752 году на службу в «родной» Семеновский полк⁶²³.

Ветеран четырех войн, четырежды раненный, сенатор и кавалер И. И. Бахметев скончался в Москве 2 октября 1760 года, пробыв на государственной службе 57 лет. Однако с его погребением возникла несколько загадочная ситуация. Дело в том, что родовым местом захоронения Бахметевых являлось кладбище Донского монастыря⁶²⁴. Однако 5 октября 1760 года Иван Бахметев был торжественно, с воинскими почестями погребен не на монастырском кладбище, а в церкви Флора и Лавра близ Мясницких ворот⁶²⁵.

В подобной ситуации представляется возможным лишь предположить, что место упокоения было избрано самим Иваном Ивановичем в связи с тем, что именно в церкви Флора и Лавра были похоронены И. И. Дмитриев-Мамонов и его младший брат, гвардии капитан Иван Ильич, — его многолетние сослуживцы по Семеновскому полку и, возможно, дружески близкие ему люди. Достигший возраста 77 (или 76) лет Иван Бахметев стал одним из последних следователей «майорских» канцелярий Петра I.

Стоит повторно упомянуть, что в 1934 году при прокладке Сокольнической линии Московского метрополитена церковь Флора и Лавра была снесена, а находившиеся в ней захоронения уничтожены. В настоящее время на месте церкви находится заасфальтированная площадка, примыкающая к станции метро «Чистые пруды».

**«ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО УКАЗАЛ...
О ТОМ ДЕЛА... ИЗСЛЕДОВАТЬ ОСОБО
У ПРОКУРОРСКИХ ДЕЛ»: Е. И. ПАШКОВ**

1724 года января 24 дня на Троицкой площади столичного города Санкт-Петербурга на особо возведенном эшафоте, позади которого возвышались четыре заостренных шеста с колесами для втыкания голов и размещения тел казненных, началась публичная «эксекция». Уже давно,

со времен казней после «розыска» о царевиче Алексее Петровиче, петербургский люд не видывал столь многого числа приговоренных, приведенных гвардейскими солдатами к эшафоту.

Первым из группы осужденных вывели немолодого, заросшего поседелой бородой человека. Секретарь стал зачитывать приговор: «Понеже ты явился в преступлении его императорского величества указов... в краже казны и во упущении интереса изо взятков, а имянно... похитил себе денег...»

Оборотившись в сторону церкви в Петропавловской цитадели, приговоренный несколько раз перекрестился. Затем снял верхнюю одежду и, опустившись на колени, положил голову на плаху. Палач взялся за топор...

Столь суровую кару понес бывший провинциал-фискал Савва Федорович Попцов, которого Вышний суд Российской империи изобличил в совершении многообразных преступлений против интересов службы⁶²⁶. Всего в тот день топор, кнут и клещи для вырывания ноздрей ожидали 12 осужденных.

Так завершилось «дело фискалов» — один из наиболее резонансных уголовных процессов времен единодержавия царя и императора Петра Великого. Основную часть следствия по означенному делу провел гвардии капитан Егор Иванович Пашков.

Егор Пашков принадлежал к провинциальной дворянской фамилии, родоначальником которой считался шляхтич Григорий Пашкевич, выехавший из Речи Посполитой в Россию в XVI веке. Генеалогию Е. И. Пашкова изрядно затуманило то обстоятельство, что его дед Еремей Афанасьевич имел шестерых сыновей, двое из которых звались Иванами⁶²⁷. Так что установить, к какой именно ветви рода принадлежал Егор Пашков, в настоящее время крайне затруднительно.

В XVII веке Пашковы занимали вполне прочные позиции в средней прослойке российского дворянства. Привилегированные «московские» чины — от стряпчего до стольника — сумели тогда выслужить 17 представителей рода⁶²⁸.

Упомянутый дед Егора Ивановича, стольник Еремей Пашков, имел неординарный административный опыт. На протяжении 1650—1680-х годов Е. А. Пашкову довелось занимать воеводские должности на всем бескрайнем про-

странстве Московского царства: от Нерчинска* (!) до Тамбова и Киева⁶²⁹.

В молодости, пребывая при отце Афанасии Филипповиче на воеводствах в забайкальских острогах, Еремей Пашков немало соприкасался с находившимся в ссылке в тамошних местах знаменитым протопопом Аввакумом. В своем «Житии», одном из наиболее выдающихся произведений русской словесности за последние 400 лет, Аввакум воистину обессмертил имя Еремея Афанасьевича. Как между иного вспоминал опальный протопоп (закончивший свои дни на костре) о Е. А. Пашкове, «се друг мне тайной был и страдал за меня. <...> Гораздо Еремей разумен и добр человек»⁶³⁰.

Описал протопоп и конфликт, разыгравшийся между вступившимся за него Еремеем Пашковым и отцом-воеводой. Согласно повествованию Аввакума, в забайкальской тайге разыгралась подлинно эпическая сцена: «Еремей стал говорить: „Батюшко, за грех наказует бог! Напрасно ты протопопа тово [Аввакума] кнутом избил; пора покаяться, государь!“ Он же [А. Ф. Пашков] рыкнул на него, яко зверь, и Еремей, к сосне отклоняясь, прижав руки, стал... Пашков же, ухватя... колешчатую пищаль — никогда не лжет** — приложася на сына, курок спустил. И божиею волею осеклася пищаль. Он же, поправя порох, опять спустил, и паки осеклася пищаль. Он же и в третьи так же сотворил. Пищаль и в третьи осеклася же...»⁶³¹

Согласно прямому указанию надгробной надписи, Егор Пашков появился на свет в 1684 году⁶³². Каких-либо сведений о первых двадцати годах жизни будущего следователя выявить к настоящему времени не удалось. С уверенностью возможно лишь утверждать, что в отличие от старших родственников Е. И. Пашков не успел получить никакого «московского» чина⁶³³, а сразу начал военную карьеру.

Как явствует из архивного документа, в 1704 году Егор Иванович был зачислен рядовым в гвардии Преображенский полк⁶³⁴. Принято считать, что солдатские годы он провел в денщиках Петра I. Возможно, именно по этой причине сведений о прохождении Егором Пашковым военной службы сохранилось немного.

* Ныне административный центр одноименного района Забайкальского края.

** Не дает осечек.

Достоверно известно, что в 1708 году дослужившийся к тому времени до капрала Е. И. Пашков был произведен в младшие офицеры⁶³⁵, став адъютантом. Сохранились также документальные свидетельства, что «отъютант» Егор Пашков выполнял при царе функции офицера связи.

Так, в июле 1711 года, сразу после выхода российской армии из окружения на реке Прут, едва не обернувшегося ее катастрофическим поражением, Е. И. Пашков совершил многоверстную поездку по вражеской территории. Прибыв к находившемуся в расположении турецких войск чрезвычайному послу барону П. П. Шафирову, адъютант вручил ему в целости и сохранности крайне важное зашифрованное письмо Петра I.

В свою очередь, от посла Егор Иванович получил секретную дипломатическую корреспонденцию, которую сумел оперативно доставить царю⁶³⁶. Если принять во внимание, что государева курьера сопровождала лишь небольшая охрана, а передвигаться приходилось большей частью по безлюдной местности, по которой рыскали почти не подконтрольные командованию отряды янычар и крымских татар, то необходимо признать, что Егор Иванович подвергался тогда риску сложить голову, ничуть не меньшему, чем на передовой.

Обстоятельства службы Е. И. Пашкова в следующее пятилетие прояснить к настоящему времени также не удалось. Неизвестно даже, когда он получил чины поручика и капитан-поручика. По крайней мере, не вызывает сомнений, что строевых должностей Егор Иванович не занимал, числясь «сверх комплекта» в 7-й роте Преображенского полка⁶³⁷.

Загадкой осталось также, сопровождал ли Е. И. Пашков царя в зарубежной поездке 1716—1717 годов и чем он занимался в ноябре 1717 года. Из письма гвардии подполковника князя В. В. Долгорукова Егору Ивановичу от 4 ноября 1717 года можно уяснить, что в тот момент адресат находился вне столицы⁶³⁸. Соответственно, осталось непроясненным, входил ли капитан-поручик Егор Пашков в состав кригсрехта, осудившего на смертную казнь главу первой следственной канцелярии России гвардии майора Михаила Волконского.

Зато удалось установить, что при выработке в начале декабря 1717 года проекта указа об учреждении семи «майорских» следственных канцелярий Петр I включил гвардии капитан-поручика Е. И. Пашкова в руководящий

состав канцелярии во главе с майором И. И. Дмитриевым-Мамоновым. Изначально эта канцелярия должна была получить в производство подборку уголовных дел по обвинениям ряда высших должностных лиц, в частности сенатора князя Я. Ф. Долгорукова и губернатора князя М. П. Гагарина⁶³⁹.

Объем и конкретные направления следственной деятельности Е. И. Пашкова в канцелярии Ивана Дмитриева-Мамонова установить не представилось возможным, поскольку, как уже не раз отмечалось, почти весь архив «майорских» канцелярий сгорел при пожаре Кремля 29 мая 1737 года. Из фрагментарно сохранившихся документов явствует, что в канцелярии Егор Иванович не выполнял единоличных следственных действий, а работал в составе коллегиального присутствия.

Например, подпись Егора Пашкова стоит на постановлениях канцелярии, которыми оформлялись относящиеся к ее ведению устные указания Петра I: от 3 июля 1718 года — о командировании в Сибирь ассессора А. Г. Шамордина, от 11 марта 1721-го — о пытке бывшего сибирского губернатора М. П. Гагарина⁶⁴⁰.

Подписал Егор Иванович и постановление следственной канцелярии от 9 декабря 1723 года о повешении трупа бывшего томского коменданта Р. А. Траханиотова⁶⁴¹. Кроме того, известно, что он не направлялся ни в какие дальние командировки по делам канцелярии.

Что бы там ни было, Петр I положительно оценил работу Егора Пашкова в качестве следователя. 1 января 1719 года Егор Иванович был произведен в капитаны⁶⁴².

Щедрой оказалась государева награда Е. И. Пашкову за участие в следствии по делу Матвея Гагарина. Из конфискованного имущества повешенного князя Е. И. Пашков получил в Шацком уезде «село Благовещенское с деревнями», состоявшее из 121 двора и населенное 654 (!) крестьянскими «душами» только мужского пола⁶⁴³.

Три с небольшим года спустя император доверил гвардии капитану Е. И. Пашкову высокий государственный пост: 7 февраля 1722 года он был назначен первым прокурором Военной коллегии⁶⁴⁴ — ведомства, управлявшего сухопутными войсками империи.

Учрежденная в январе 1722 года прокуратура тогда представляла собой исключительно орган надзора, не наделенный никакими уголовно-процессуальными полномочиями⁶⁴⁵. Тем самым основной задачей Егора Пашкова

являлось установление соответствия актов, издававшихся Военной коллегией, нормам действовавшего законодательства. Сложность этой задачи заключалась не только в том, что Егор Иванович отнюдь не был знатоком практического законовещения, но и в том, что де-юре под надзором гвардии капитана оказался не кто иной, как президент Военной коллегии генерал-фельдмаршал, «полудержавный властелин» А. Д. Меншиков.

Поэтому не приходится удивляться, что на протяжении 1722—1725 годов Е. И. Пашков — в отличие от прокуроров почти всех остальных коллегий — не внес в Правительствующий сенат ни единого (!) протеста на какие-либо нормативные или распорядительные акты Военной коллегии. Подобную позицию Егора Ивановича понять, впрочем, несложно: решиться конфликтовать с всесильным в ту пору Александром Даниловичем мог разве что душевнобольной или крайне наивный человек, излишне обнадеженный туманной перспективой «государевой милости»*. Егор Иванович определенно не являлся ни тем ни другим.

Однако, оказавшись весьма пассивным представителем прокурорского надзора, Егор Пашков проявил себя в эти годы как бесспорно выдающийся следователь. Вернуться к следственной деятельности Егору Ивановичу довелось в связи с «делом фискалов».

Возбуждение дела произошло после того, как в руки Петра I попало обращение жителя Ярославля И. И. Сутягина, содержавшее многочисленные обвинения против ярославского провинциал-фискала С. Ф. Попцова. 20 марта 1722 года секретарь императора Алексей Макаров направил генерал-прокурору Сената П. И. Ягужинскому письмо, в котором передал высочайшее указание, чтобы обвинения,

* Каковым оказался, например, глава одной из канцелярий «переписи душ», заслуженный ветеран Великой Северной войны полковник А. А. Мякинин, решившийся в 1724 году изблечить А. Д. Меншикова в утайке 2715 (!) крестьянских «душ». Общая сумма штрафов, наложенных в связи с этим на светлейшего князя, составила внушительную сумму в 34,5 тысячи рублей. В ответ разгневанный Александр Данилович добился предания ставшего к тому времени уже генерал-фискалом Алексея Мякинина военному суду по обвинению — несложно догадаться — в фальсификации материалов следствия. Несмотря на очевидную бездоказательность обвинения, в июне 1727 года суд приговорил Алексея Антоновича к расстрелу (!), замененному 19 декабря (уже после падения Александра Даниловича) ссылкой в Сибирь, в которой он пробыл свыше пяти лет.

выдвинутые против провинциал-фискала, «изследовали в Сенате или особливо в вашей канторе»⁶⁴⁶.

Не имея никакого опыта ни судебной, ни следственной деятельности, Павел Ягужинский принял вполне резонное решение поручить расследование кому-либо из нижестоящих прокуроров, более сведущих в уголовном судопроизводстве. 22 июня 1722 года генерал-прокурор распорядился передать следствие по делу С. Ф. Попцова прокурору Военной коллегии Егору Пашкову. Первые строки распоряжения, адресованного «благородному господину прокурору», гласили: «Его императорское величество указал по челобитью ярославца посацкого человека Ивана Сутягина... взяв о том дела из Ярославского надворного суда, изследовать особо у прокурорских дел...»⁶⁴⁷

При этом не исключено, что ключевая фраза распоряжения — «изволте те дела взять к себе и по ним следовать» — означала попытку Павла Ивановича вообще передать дело Саввы Попцова из генерал-прокуратуры в прокуратуру Военной коллегии. Впрочем, такая попытка (если она действительно имела место) не встретила понимания у главы государства.

В итоге организация следствия над Саввой Попцовым оказалась перестроена, но не совсем так, как, вероятно, замыслил П. И. Ягужинский. С июля 1722 года в правительственном делопроизводстве замелькало наименование «Канцелярия генерала-лейтенанта и генерала-прокурора Павла Ивановича Ягушинского да лейб-гвардии капитана Егора Ивановича Пашкова».

Другими словами, в генерал-прокуратуре империи образовалось новое структурное подразделение, особая следственная канцелярия под руководством генерал-прокурора. В свою очередь, Егора Пашкова можно признать первым следователем прокуратуры России, прямым предшественником тех следователей, которые трудились в следственных подразделениях прокуратуры в 1928—2007 годах.

С появлением Е. И. Пашкова расследование активизировалось. К началу августа 1722 года выявилось 28 эпизодов обвинений против С. Ф. Попцова — от укрывательства им беглых солдат до умышленного убийства. 21 августа, рассмотрев обобщающую выписку по материалам дела, следственная канцелярия вынесла постановление подвергнуть Савву Попцова пытке⁶⁴⁸.

25 августа Павел Ягужинский и Егор Пашков допросили провинциал-фискала в застенке. Однако подследствен-

ный, выдержав подъем на дыбу и 17 ударов кнутом, продолжил отрицать свою вину по всем пунктам обвинения⁶⁴⁹. Следующая пытка была назначена на 30 августа. И вот тогда Егору Пашкову удалось добиться перелома в психологическом настрое С. Ф. Попцова.

Согласно протокольной записи, сохранившейся в материалах уголовного дела, «августа 30-го дня Сава Попцов вожжен в застенок вторично, при чем лейб-гвардии капитану Егору Ивановичю Пашкову он, Попцов, сказал, что де по делам ево, что на него показано, и сверх того, что он какое преступление указом... чинил, и кем что знает, приносит он пред его императорским величеством повинную»⁶⁵⁰. Иными словами, Савва Федорович выразил готовность дать признательные показания.

Окончательный перелом в настроениях С. Ф. Попцова произошел 31 августа. В тот день Савва Федорович разразился огромной — в 70 пунктов — повинной. Убеденный Егором Пашковым в необходимости, выражаясь современным профессиональным языком, деятельного раскаяния, Савва Попцов в самом деле принялся рассказывать все, что знал. А знал он очень и очень многое.

Со страниц повинной Саввы Федоровича перед руководителями следственной канцелярии открылась уникальная в своей полноте картина криминальных деяний местных администраторов. Впрочем, вступивший на путь сотрудничества со следствием провинциал-фискал осветил злоупотребления не только региональных чиновников. В повинной от 31 августа (существенно пополненной затем 18 сентября, 12 и 18 октября) речь пошла и о куда более значительных «персонах».

Особенно подробно С. Ф. Попцов остановился на разоблачении высокопоставленного должностного лица, в расчете на действенное покровительство которого он так стойко выдержал кнут и подъем на дыбу. Психологически капитулировавший перед следствием Савва Попцов дал показания о взяточничестве главы фискальской службы России обер-фискала Алексея Яковлевича Нестерова⁶⁵¹.

Из откровений Саввы Попцова явствует, что взятки Алексей Яковлевич брал с размахом: деньгами, предметами домашнего обихода, продуктами питания, фуражом. Например, за содействие в определение самого Саввы Федоровича в фискалы А. Я. Нестеров получил с него 500 четвертей ржи. В другой раз, будучи у С. Ф. Попцова в гостях, Алексей Яковлевич прихватил с собой приглянувшееся ему

стенное зеркало (в свою очередь, «позаимствованное» самим Саввой Федоровичем у Ивана Сутягина).

А вот с фискалов Г. Я. Терского, Г. Зиминского, Ф. Угрюмова и С. Я. Турчанинова Алексей Нестеров «брал... взятки денгами, лошедми и рыбою, белугами и протчими...». Справедливости ради надо отметить, что в поборах Алексея Нестерова проявились и его духовные запросы. Помимо иного обер-фискал «вытянул» из С. Ф. Попцова печатное Евангелие XVII века, а также книгу, «в которой изображены всякие звери и рыбы... с подписью латинскою»⁶⁵².

Уже в самый день подачи С. Ф. Попцовым повинной генерал-прокурор информировал о приведенных в ней эпизодах, касавшихся А. Я. Нестерова, Правительствующий сенат, тут же запросив санкцию на арест обер-фискала. Такая санкция была получена.

В первых числах сентября обер-фискал взяли под стражу. Алексей Нестеров с ходу потребовал отвода прокурора Е. И. Пашкова, заявив на него ничем не мотивированное «подозрение»^{653*}. Это требование Алексея Яковлевича было отклонено как генерал-прокурором, так и Сенатом.

«Дело фискалов» набирало обороты, а производство следствия чем дальше, тем больше переходило в руки Егора Ивановича. Осенью 1722 года основное внимание следственная канцелярия сосредоточила на разбирательстве преступных деяний нескольких фигурантов: С. Ф. Попцова, ярославского фискала А. И. Никитина и А. Я. Нестерова.

Особенно ценные показания, изобличавшие обер-фискал, в сентябре дал посадский человек — откупщик А. К. Брыскин. В частности, Авдей Брыскин поведал о взятке в 500 рублей, полученной Алексеем Нестеровым от Л. Г. Воронцова за содействие в назначении его воеводой в один из сибирских городов⁶⁵⁴.

Заодно Авдей Брыскин подтвердил и ряд эпизодов из повинной С. Ф. Попцова. К примеру, на допросе 11 сентября Авдей Кузьмич конкретизировал сведения Саввы Поп-

* Принявшее вскоре острые формы противостояние А. Я. Нестерова и Е. И. Пашкова было тем драматичнее, что еще за несколько лет до этого они работали почти что «рука об руку». Достаточно вспомнить, что в качестве асессора канцелярии И. И. Дмитриева-Мамонова Егор Иванович принимал деятельное участие в завязавшемся, благодаря неординарному упорству Алексея Нестерова, расследовании дела сибирского губернатора князя М. П. Гагарина.

цова о взятках, полученных А. Я. Нестеровым от фискалов Саввы Турчанинова и Григория Зиминского. По словам А. К. Брыскина, «Турчанинов ему, Нестерову... привез рыбы белуг и осетров воз... Да Зиминской пару жеребцов карих, ценою рублей в тридцать, дал»⁶⁵⁵.

5 октября П. И. Ягужинский направил письмо с докладом о ходе следствия к находившемуся в Астрахани Петру I. При этом генерал-прокурор пожаловался на давление, которое кто-то из очень влиятельных лиц оказывал на Е. И. Пашкова в защиту Алексея Нестерова («к тому же не без приятеля у обер-фискала»^{*}). В связи с этим Павел Иванович попросил императора направить «особливый указ» Егору Пашкову, который без этого «в такие важные дела вступать не смеет»⁶⁵⁶.

Самодержец откликнулся незамедлительно. Уже 15 октября в Москву ушло высочайшее послание с указанием Е. И. Пашкову замещать при необходимости генерал-прокурора в делах следственной канцелярии^{**}. Одновременно Петр I санкционировал применение к А. Я. Нестерову пыток⁶⁵⁷.

Со своей стороны Алексей Нестеров не только не признавал какие-либо обвинения, но и продолжал пытаться вывести из следствия Е. И. Пашкова. Так, 1 ноября Алексей Яковлевич сорвал очную ставку с С. Ф. Попцовым, заявив об отказе давать показания Егору Пашкову («перед ним, господином капитаном, ни о чем ответствовать он не станет»)⁶⁵⁸. Однако вскоре ситуация переменилась.

8 ноября, обобщив добытые следственной канцелярией материалы, уличавшие обер-фискала, Е. И. Пашков вынес постановление о пытке Алексея Нестерова⁶⁵⁹. И тут подследственный дрогнул. 9 ноября, не дожидаясь привода в застенки, А. Я. Нестеров заявил Егору Ивановичу о готовности дать признательные показания⁶⁶⁰. Расследование «дела фискалов» вышло на следующий виток.

Еще не разобравшейся в полном объеме с показаниями С. Ф. Попцова следственной канцелярии генерал-про-

^{*} Личность «приятеля» А. Я. Нестерова, столь глухо упомянутого генерал-прокурором, установить к настоящему времени не удалось.

^{**} Примечательно, что государево послание имело двух адресатов. На лицевой стороне конверта, в который оно было запечатано, сохранилась запись: «Господину генералу-лейтенанту и генералу-прокурору Ягужинскому в Москве. А в небытность ево распечатать и чинить по сему прокурору Колегии воинской Егору Пашкову».

куратуры предстояло теперь проверять не менее содержательные откровения Алексея Нестерова. Подобно Савве Попцову, Алексей Яковлевич не ограничился признанием собственной вины, но и поведал много интересного о иных должностных лицах. А. Я. Нестеров рассказал о взятках и казнокрадстве бывшего московского вице-губернатора, а ныне главы Монастырского приказа В. С. Ершова, о подлоге завешания бывшим обер-фискалом, а ныне судьей Московского надворного суда М. В. Желябужским, о многообразных злоупотреблениях комиссара А. С. Сергеева и дьяка А. Г. Ратманова.

Тем не менее, заподозрив Алексея Нестерова в недостаточной искренности, Егор Пашков 25 ноября вновь распорядился подвергнуть его пытке^{661*}. Допрос в застенке не состоялся, однако, и на этот раз. Согласно помете в деле, «обор-фискалом не розыскивано за полученным имянным его императорского величества указом»⁶⁶². Иными словами, в ноябре 1722 года Петр I пытать Алексея Яковлевича воспретил.

Не вполне ясно, что за соображения побудили императора отменить собственную недавнюю санкцию о «розыске» А. Я. Нестерова. Вероятнее всего, отличавшийся повышенной подозрительностью Петр I рассудил, что глава фискальской службы мог владеть такой разоблачительной информацией, которую небезопасно было доверить даже генерал-прокуратуре. По этой причине монарх решил допросить Алексея Нестерова лично.

В итоге допрос Алексея Нестерова императором состоялся 31 января 1723 года. К этому допросу Петр I даже собственноручно написал вопросные пункты, в которых выразил, в частности, уверенность в весьма значительной информированности А. Я. Нестерова о криминальных деяниях государственных служащих: «Первое, по чину фискалскому, вторые, понеже прибежище всех воров был»⁶⁶³. Однако, несмотря на то что допрос проводился лично мо-

* Необходимо заметить, что постановление от 25 ноября 1722 года вряд ли свидетельствовало о каком-то жестокосердии Е. И. Пашкова или его негативной пристрастности к сановному подследственному. Как представляется, в данном случае Егор Пашков действовал соответственно духу процессуальной нормы, закрепленной в статье 58-й главы 21-й Уложения 1649 года (сохранявшего в полной мере юридическую силу в первой четверти XVIII века). Согласно этой норме, уличенный в особо тяжких преступлениях обвиняемый подлежал пытке в обязательном порядке, даже если он сразу давал признательные показания.

нархом и под пыткой, никаких новых откровений Алексея Яковлевича на нем не последовало⁶⁶⁴.

Что бы там ни было, независимо от высочайших колебаний в решении вопроса о телесной неприкосновенности А. Я. Нестерова конец ноября и весь декабрь 1722 года следственная канцелярия генерал-прокуратуры работала с прежней интенсивностью.

Так, в декабре наступил перелом в следствии по делу фискала Алексея Никитина. 30 ноября Е. И. Пашков вынес постановление о пытке А. И. Никитина, упорно отрицавшего всякие обвинения. Поднятый 3 декабря на дыбу, Алексей Никитин сознался в четырех эпизодах получения взятки на общую сумму 111 рублей (плюс бочонок вина)⁶⁶⁵.

Впрочем, эта сумма, вероятнее всего, не исчерпывала криминальных доходов Алексея Никитина. Как видно из материалов дела, ярославский фискал жил более чем безбедно. Согласно описи арестованного имущества А. И. Никитина от сентября 1722 года, в Ярославле он владел каменным домом, обставленным дорогой мебелью (среди которой был, например, «стол здвижной дубовый с ящики, зеркало осмилистое»). А для передвижений фискал располагал обитой кожей коляской голландской работы — «в ней убито* сукном голубым с подзоринами» — и не менее роскошным зимним возком⁶⁶⁶.

В конце ноября — декабре 1722 года следственная канцелярия генерал-прокуратуры впервые допросила упомянутых в повинной Алексея Нестерова судью М. В. Желябужского, бывшего сенатора В. А. Апухтина, секретаря И. А. Хрипунова⁶⁶⁷. К примеру, у Ивана Хрипунова Е. И. Пашков выяснял объем «подарков», поднесенных им А. Я. Нестерову, а также причины этих подношений. На допросе 30 ноября Иван Авксентьевич подтвердил, что в бытность его дьяком в Архангельске он «посыливал к нему, Нестерову, свечь вологоцких салных да рыжиков», но делалось это все исключительно «из любви, по приятелству, а не от дел»⁶⁶⁸.

Между тем по мере разбухания «дела фискалов», появления в нем новых эпизодов и фигурантов перед Петром I обозначилась перспектива дополнительно закрепить за прокуратурой полномочия органа предварительного следствия, совместив тем самым в ее компетенции функции надзора и уголовного преследования. Если бы законодатель решился в 1723 году придать генерал-прокуратуре

* То есть обито, обтянуто.

следственные полномочия, то уже тогда в России могла сложиться функциональная модель прокуратуры, существовавшая в 1928—2007 годах.

Однако в решающий момент Петр I не пожелал отказываться от изначально возникшей надзорной модели отечественной прокуратуры. Это выразилось в том, что в январе 1723 года император принял решение освободить генерал-прокуратуру от расследования «дела фискалов».

В конце января расследовавшиеся следственной канцелярией генерал-прокуратуры уголовные дела были переданы в только что основанный Вышний суд, занявший в реформированной судебной системе России место суда высшего звена. Сама же следственная канцелярия была преобразована в Розыскную контору — особое следственное подразделение суда (отдаленный прообраз следственной части Верховного суда РСФСР 1920-х годов).

От следственной канцелярии генерал-прокуратуры Розыскная контора унаследовала не только находившиеся в производстве дела, но и руководителя — Е. И. Пашкова. Тем самым Егора Ивановича возможно признать также одним из первых судебных следователей России*, предшественником судебных следователей 1860—1928 годов.

Интересное свидетельство о процессе перехода следственного подразделения генерал-прокуратуры в Вышний суд сохранилось в послужном списке канцеляриста А. Баженова от ноября 1737 года. Излагая обстоятельства прежней службы, Антон Баженов указал между иного, что в сентябре 1722 года он был направлен в «розыскную канцелярию господина генерала и ковалера графа Павла Ивановича Ягушинского да гвардии капитана... Пашкова, и был по 723-й год. А в том году взят на Генеральной двор** и был у розыскных дел, а потом та канцелярия сообщена с Вышним судом»⁶⁶⁹.

В качестве главы Розыскной конторы Вышнего суда Егору Пашкову довелось расследовать не только дела, которыми он занимался прежде. В 1723 году в производство Розыскной конторы поступил еще ряд уголовных дел — в

* Иными первыми судебными следователями явились уже упоминавшиеся бывшие асессоры все той же канцелярии И. И. Дмитриева-Мамонова Иван Бахметев и Авраам Шамордин, которые были временно привлечены Вышним судом в качестве следователей в январе 1723 года.

** Изначальное местонахождение Вышнего суда в подмосковной государственной резиденции селе Преображенском.

частности, многоэпизодное дело по обвинению руководителей канцелярии Преображенского приказа дьяков Я. В. Былинского и В. Н. Нестерова в преступлениях против интересов службы и против правосудия.

Изменение ведомственной принадлежности следственной канцелярии никак не отразилось на ходе расследования «дела фискалов». Следственные действия по данному делу продолжились в полном объеме.

Например, 13 февраля 1723 года состоялся длительный допрос А. Я. Нестерова, а, скажем, 29 мая того же года в Розыскной конторе был допрошен один из «дарителей» Алексея Нестерова новгородский провинциал-фискал И. П. Погребов, подтвердивший сведения о поднесении им обер-фискалу серебряной посуды, но при этом подчеркнувший, что «во взятку ему, Нестерову, ни от каких дел ничего не даывал»^{670*}.

26 сентября 1723 года Вышний суд направил Розыскной конторе распоряжение о скорейшем завершении находящихся в ее производстве уголовных дел, «особливо ж по делам на бывшего обер-фискала Нестерова и на дьяков Преображенского приказа»⁶⁷¹. Е. И. Пашков не затянул с выполнением этого распоряжения.

Уже в октябре глава Розыскной конторы направил в Вышний суд подборку итоговых процессуальных документов по М. В. Желябужскому, А. И. Никитину и С. Ф. Попцову. Составление документов по Алексею Нестерову было отложено, вероятнее всего, до времени новых допросов бывшего обер-фискала Петром I. Каковые состоялись только в январе 1724 года.

Помимо традиционных «выписок» (и их сокращенных версий — «экстрактов»), содержавших выстроенные по пунктам эпизоды обвинения по соответствующему фигуранту, в Розыскной конторе были впервые подготовлены принципиально новые процессуальные акты. В этих документах, подписанных Е. И. Пашковым, оказались соединены: краткое изложение эпизодов обвинения, квалификация этих эпизодов по действовавшему законодательству, а также предложения о назначении меры наказания. Такой документ, являвшийся с точки зрения обобщения материалов следствия шагом вперед по сравнению с «выпиской»

* Мотивы указанного подношения фискал Иуда Петрович объяснил, впрочем, двояко: с одной стороны, «из любви», с другой — «чтоб он, Нестеров, был к нему впредь благодянителен».

и «экстрактом», явился отдаленным прообразом современного обвинительного заключения, оформляемого следователем при передаче дела в суд.

Подобные обвинительные заключения были в итоге составлены Егором Ивановичем по М. В. Желябужскому, А. Я. Нестерову, А. И. Никитину, С. Ф. Попцову⁶⁷². Согласно выпискам и обвинительным заключениям, Алексею Нестерову было вменено 39 (!) эпизодов преступной деятельности (главным образом получение взяток), Алексею Никитину — пять эпизодов (исключительно получения взяток), Михаилу Желябужскому — два эпизода (подлог завещания и лжесвидетельство по этому поводу).

Что касается исходного фигуранта «дела фискалов» Саввы Попцова, то ему Розыскная контора вменила в итоге 11 эпизодов: от злоупотребления должностными полномочиями («имел съезжий двор, держал колодников многое число и... на разных чинов людей полагал штрафы») и казнокрадства до получения взяток (общая сумма которых была весьма внушительной — 6420 рублей). А вот длительно проверявшийся следствием эпизод о якобы совершенном С. Ф. Попцовым убийстве посадского человека Афанасия Жилина был при подготовке обвинительного заключения снят за недоказанностью.

В отношении мер наказания в обвинительных заключениях Е. И. Пашков предлагал санкции в основном в соответствии с действующим законодательством. Лишь к А. Я. Нестерову Егор Пашков предложил применить санкцию, прямо не предусмотренную ни в одном из законодательных актов, по которым были квалифицированы предъявленные бывшему обер-фискалу обвинения, — колесование⁶⁷³. Нельзя исключить, впрочем, что в данном случае при подготовке обвинительного заключения глава Розыскной канцелярии принял во внимание некую устно выраженную «рекомендацию» Петра I, весьма болезненно воспринявшего разоблачение криминальных деяний А. Я. Нестерова*.

Вместе с тем Егор Иванович предпринял решительную попытку не допустить вынесения смертного приговора

* В первые три недели января 1724 года (когда составлялось обвинительное заключение по А. Я. Нестерову и вообще завершалось следственное производство по «делу фискалов») Петр I регулярно посещал Вышний суд. Согласно походному «Юрналу», император «изволил быть в Вышнем суде» 4, 15, 16, 18, 20 и 22 января. Так что времени пообщаться с Егором Ивановичем у государя было достаточно.

деятельно раскаявшемся С. Ф. Попцову. По всей очевидности, обещавший Савве Федоровичу сохранение жизни в обмен на сотрудничество со следствием глава Розыскной конторы предложил в обвинительном заключении назначить бывшему провинциал-фискалу наказание в виде двух лет каторжных работ с последующей пожизненной ссылкой.

Столь либеральное (с учетом характера предъявленных обвинений) предложение Егор Пашков обосновал тем, что иные подследственные в дальнейшем «взирая на милостивое исполнение [сохранение жизни С. Ф. Попцову]... могли к показанию вин признатца существом»⁶⁷⁴. В данном случае остается только признать, что Е. И. Пашков предвосхитил институт «сделки с правосудием», появившийся в отечественном уголовном судопроизводстве лишь с изданием Федерального закона от 29 июня 2009 года № 141—ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»⁶⁷⁵.

Последними досудебными действиями по «делу фискалов» явились проведенные в январе 1724 года лично Петром I допросы основных фигурантов дела. Имевший странную убежденность, что перед вынесением приговора (или даже после него) обвиняемые могут дать какие-то особенно ценные показания, первый российский император допросил под пыткой: 16 и 18 января 1724 года — А. Я. Нестерова (причем к применявшимся прежде дыбе и кнуту было добавлено жжение огнем), 16 января — А. И. Никитина и 18 января — С. Ф. Попцова⁶⁷⁶.

Допросы эти не дали, впрочем, никаких новых результатов, подследственные лишь подтвердили прежние показания.

Далее материалы «дела фискалов» были направлены в Вышний суд. Сообразно господствовавшей тогда розыскной модели уголовного процесса суд проходил без участия сторон и без заслушивания обвиняемых и свидетелей. В итоге судебное следствие свелось исключительно к ознакомлению судей с подготовленными Е. И. Пашковым выписками и обвинительными заключениями по делу.

Приговоры обвиняемым были вынесены 22—23 января 1724 года. Суд не принял во внимание заступничество Егора Ивановича за обвиняемого Савву Попцова. Бывшего провинциал-фискала осудили на смертную казнь. Не удалось Е. И. Пашкову убедить в своей правоте и импера-

тора, утвердившего приговор Савве Федоровичу без изменений*.

А. Я. Нестеров был приговорен к колесованию. 24 января 1724 года состоялась описанная выше публичная «эксекция».

Петр I счел «дело фискалов» столь общественно значимым, что в этот же день распорядился подготовить особый информационный листок с изложением «преступлений бывшего обер-фискала Нестерова и протчих» и опубликовать его «для всенародного известия»⁶⁷⁷. Отпечатанное на листе большого формата «Объявление о бывшей экзекуции в Санкт-Петербурге генваря в 24 день 1724 году» вышло в свет уже 4 марта⁶⁷⁸.

16 марта Правительствующий сенат указал разослать экземпляры «Объявления» по центральным и местным органам власти (для ознакомления прежде всего государственных служащих)⁶⁷⁹. Так что успешно расследованное Егором Пашковым «дело фискалов» пригодились еще и для правовой пропаганды и профилактики должностных преступлений.

Последовавшая 28 января 1725 года кончина императора Петра Великого привела к свертыванию деятельности Вышнего суда и его Розыскной конторы. Уже 2 февраля под подписку о невыезде были освобождены 13 из 15 содержавшихся на тот момент под стражей подследственных Розыскной конторы⁶⁸⁰. Формальное упразднение Вышнего суда произошло по указу императрицы Екатерины I от 14 марта 1726 года.

На состоявшейся 10 марта 1725 года в Санкт-Петербурге грандиозной церемонии погребения Петра Великого прокурору и гвардии капитану Егору Ивановичу Пашкову была отведена весьма почетная роль: он нес подле гроба имперскую регалию — один из четырех «государственных мечей с золотными эфесами и 3 драгими каменья». Острием вниз⁶⁸¹.

После 1725 года недолго продлилась и прокурорская деятельность Е. И. Пашкова. Дело в том, что на протяжении 1726—1727 годов органы молодой российской прокуратуры подверглись постепенному упразднению. Причем в

* Из осужденных фигурантов «дела фискалов» Петр I помиловал единственно А. И. Никитина, которому смертная казнь была заменена на наказание кнутом, вырывание ноздрей и пожизненную ссылку на каторгу.

безуказном порядке. Черед прокуратуры Военной коллегии наступил весной 1727 года.

Именным указом от 13 марта прокурор Е. И. Пашков был определен на должность советника Военной коллегии⁶⁸². Преемника ему назначено не было. Назначение Егора Ивановича на равностатусную должность в Военной коллегии свидетельствовало о том благоволении, которое ему оказывал президент коллегии А. Д. Меншиков, ставший к тому времени фактически вторым лицом в государстве.

15 мая 1727 года только что взошедший на престол император Петр II произвел Е. И. Пашкова в «полугенеральский» чин бригадира⁶⁸³. Позиции Егора Пашкова в среде высшей коллежской бюрократии казались незыблемыми. Однако уже в следующем году в его карьере произошла резкая перемена к худшему.

Бывшего следователя и прокурора едва не погубили излишние откровения о придворной жизни в переписке с давней приятельницей княгиней А. П. Волконской. Будучи выслана из Санкт-Петербурга в апреле 1727 года по предписанию А. Д. Меншикова, княгиня не была, однако, возвращена в столицу после ссылки самого Александра Даниловича (последовавшей в сентябре). Проживая во вполне комфортных условиях в подмосковном имении, Аграфена Волконская продолжала отслеживать придворные «конъюнктуры» и чем дальше, тем больше раздражалась, что о ней позабыли.

Дело закончилось доносом двух слуг, обыском в имении и выемкой обширной корреспонденции княгини. Пустяковое, по существу, дело стало, однако, предметом детального разбирательства в мае 1728 года в Верховном тайном совете⁶⁸⁴. Поскольку в домашнем архиве А. П. Волконской была между иного обнаружена подборка писем Егора Пашкова, он оказался среди фигурантов дела.

28 мая 1728 года Егор Иванович был отстранен от должности. Трудно сказать, кто именно из влиятельных лиц вступился за бригадира, однако он наименее пострадал из числа собеседников и корреспондентов княгини Аграфены Петровны. Именным указом от 5 июня Е. И. Пашков был определен вице-губернатором Воронежской губернии⁶⁸⁵.

Несмотря на то что Егор Иванович направлялся в Воронеж единоличным главой администрации, назначение в провинцию явилось для него тяжелым ударом. Опальный бригадир попытался даже отсрочить выезд к новому месту

службы. Когда 14 июня к бывшему прокурору явился сенатский курьер с подорожной и ямскими подводами, Егор Иванович выгнал его со двора, отправил подводы обратно в Сенат и заявил, что поедет на собственных лошадях.

На следующий день Е. И. Пашков получил предписание покинуть Москву немедленно. В ответ Егор Иванович заявил, что если его отправляют в ссылку, то пусть везут в Воронеж в кандалах и под конвоем. Впрочем, 16 июня он все же выехал во вверенную ему губернию⁶⁸⁶.

В должности воронежского вице-губернатора Е. И. Пашкову пришлось отработать почти шесть лет⁶⁸⁷. Оставил он о себе не лучшую память в церковных кругах, благодаря невольному участию в низложении местного епископа Льва (в миру Лаврентия Юрлова). В феврале 1730 года, когда в Воронеж уже поступили первые экземпляры манифеста о восшествии на престол Анны Иоанновны, епископ некоторое время не оглашал манифест в кафедральном соборе, а заодно не возгласил имени Анны как правящей государыни.

По долгу службы внимательно отследив ситуацию, Егор Иванович двукратно напомнил епископу о необходимости обнародовать манифест, а затем сообщил о произошедшем «по команде» в Москву⁶⁸⁸. Промедление с возглашением имени новой императрицы обернулось для епископа Льва лишением сана, расстрижением и десятилетним (!) заточением в Крестном монастыре на пустынном острове Кий в Белом море.

Губернией Егор Иванович управлял не особенно удачно, неоднократно подвергался дисциплинарным взысканиям от Правительствующего сената. По доношениям вице-адмирала Матвея Змаевича попал под следствие по обвинению в вырубке заповедных корабельных лесов и в провале трудовой мобилизации работных людей на верфи в Таврове*.

Впрочем, будучи 3 декабря 1734 года смещен с должности (его сменил А. А. Мякинин^{689**}), Егор Пашков пробыл в Воронеже еще более года⁶⁹⁰. По странной причуде судьбы, в этом городе он пережил и своего гонителя вице-адмирала

* Ныне микрорайон «Таврово» Левобережного района города Воронежа.

** Это был освобожденный из ссылки в январе 1733 года тот самый бывший полковник и генерал-фискал, который имел неосторожность разоблачать утайку душ А. Д. Меншиковым.

Матвея Христофоровича, скончавшегося в Таврове 23 августа 1735 года⁶⁹¹, и нового губернатора Алексея Мякина, ушедшего из жизни сразу вслед за вице-адмиралом — 25 августа того же года^{692*}.

16 октября 1735 года бригадир Е. И. Пашков получил новое назначение — губернатором в Астрахань. Однако на берега Каспия он так и не прибыл. Задержавшись по пути в своем имении, Егор Иванович Пашков скоропостижно скончался 6 апреля 1736 года.

Погребли Е. И. Пашкова в Успенской церкви Веневского монастыря Тульского уезда. В ноябре 1796 года племянник бывшего прокурора коллежский асессор А. И. Пашков установил на его могиле специально отлитую массивную чугунную плиту с пространной надписью, а также обнес могилу железной решеткой⁶⁹³. Захоронение Е. И. Пашкова сохранилось до настоящего времени.

«И БЫЛ СОЛДАТОМ И ОБЕР-ОФИЦЕРОМ БЕЗПОРОЧНО И БЕЗОТЛУЧНО...»: КНЯЗЬ Г. А. УРУСОВ

1727 года сентября 8 дня в городе Санкт-Петербурге двенадцатилетний император Петр II предписал уволить от всех должностей и взять под арест генералиссимуса светлейшего князя А. Д. Меншикова⁶⁹⁴, фактически управлявшего на тот момент Российской империей. Ситуация с отстранением от власти «полудержавного властелина» могла обернуться самым непредсказуемым образом, так как Александр Меншиков, располагавший огромной властью и имевший в личном подчинении воинские части, имел вполне реальную возможность предпринять встречные действия и в одночасье осуществить дворцовый переворот.

В этой шаткой обстановке одной из весьма логичных мер явилась незамедлительная смена командования сто-

* Воронежский историк Н. А. Комолов высказал мнение о причастности Егора Пашкова к уходу из жизни М. Х. Змаевича и А. А. Мякина. Версия эта представляется, однако, безосновательной. Трудно представить, как бывший прокурор и вице-губернатор потаенно готовит яд и посылает наймитов для умерщвления своих недругов. Сюжет совсем не в духе нравов российской бюрократической среды 1730-х годов.

личного гарнизона. 9 сентября параллельно с изданием именного указа о лишении А. Д. Меншикова чинов, орденов и ссылке его в Ренненбург император распорядился отстранить от должности Санкт-Петербургского обер-коменданта генерал-майора Ю. И. Фаминцына. Вместо него на должность коменданта временно определялся князь Григорий Урусов⁶⁹⁵.

Учитывая, что на тот момент Г. А. Урусов имел чин гвардии капитана, подобный высочайший кадровый выбор мог показаться неожиданным. Однако таковым это назначение было только на первый взгляд. Дело в том, что в отличие от большинства гвардейских офицеров князь Григорий Алексеевич имел в прошлом опыт взаимоотношений с Александром Меншиковым не как с могущественным покровителем («патроном», как тогда говорили), а как с подследственным.

Будущий Санкт-Петербургский комендант являлся выходцем из знатной фамилии, имевшей татарское происхождение и восходящей к эмиру Едигею-Мангиту (умер в 1419 году), первому правителю Ногайской Орды. Фамилия «Урусовы» пошла от одного из предков шестого колена рода, который прозывался Урус-мурза⁶⁹⁶. К XVII веку род прочно утвердился в российской правящей элите: достаточно сказать, что трое его представителей (князья Н. С., П. С. и Ф. С. Урусовы) сумели дослужиться до высшего тогда чина боярина⁶⁹⁷. Известно, что в придворной борьбе, разыгравшейся в России в 1680-х годах после смерти бездетного царя Федора Алексеевича, князья Урусовы явились сторонниками царевича Петра Алексеевича и его матери царицы Натальи Кирилловны.

Григорий Урусов был одним из трех сыновей князя Алексея Никитича Урусова. По свидетельству осведомленного И. А. Желябужского, в 1694 году Алексей Урусов являлся капитаном гвардии Преображенского полка и принимал участие в знаменитом Кожуховском походе⁶⁹⁸ — уже упоминавшихся первых в истории российской армии масштабных военных учениях, максимально приближенных к боевым. Однако каких-либо иных сведений о службе Алексея Никитича в гвардии выявить к настоящему времени не удалось.

Обстоятельства первых десятилетий жизни Григория Урусова поныне сокрыты мраком. В частности, не удалось

установить ни времени, ни места его рождения. Возможно лишь констатировать, что Григорий Алексеевич не сумел попасть в число «царедворцев», не получив даже низшего чина «жильца»⁶⁹⁹. Кроме того, не вызывает сомнений, что в отличие от братьев Василия и Ивана он не проходил обучения за рубежом*.

Первое из обнаруженных достоверных упоминаний о князе Григории Алексеевиче относится к марту 1701 года, когда он выступил одним из свидетелей заключения «сговорной» (архаичной формы брачного договора) между П. П. Бутурлиным и девицей Е. И. Савостьяновой⁷⁰⁰. Что касается военной службы, то ее Григорий Урусов начал в 1704 году солдатом в Преображенском полку⁷⁰¹. Отмеченная дата была отнюдь не случайной.

Как вспоминал на склоне лет уже упоминавшийся гвардии подполковник и действительный тайный советник князь Б. И. Куракин, именно в 1704 году «разбирал его величество недорослей знатных самых персон, которых выбирали пятьсот или шестьсот человек, и написаны в солдаты в Преображенской полк и Семеновской... князья Голицыны, кн[язья] Черкасские, кн[язья] Хованские... также иные фамилий знатных, как Урусовых, из которых одного под Нарвою убили»⁷⁰².

Кто именно из князей Урусовых погиб при осаде (или штурме) Нарвы летом 1704 года, выяснить на сегодняшний

* Оба брата Григория Алексеевича (младшие и, возможно, близнецы) связали жизнь с военно-морским флотом. Василий и Иван Урусовы в 1708 году были направлены для обучения морскому делу в Голландию, проходили стажировку на английском и датском флотах. В Россию вернулись в 1716 году. Князь Василий Алексеевич длительное время служил на Каспийском море, картографировал его восточный берег. В качестве командира группировки вспомогательных судов участвовал в Персидском походе 1722—1723 годов, а в 1724—1729 годах возглавлял Астраханскую контору Адмиралтейской коллегии. В ноябре 1727 года произведен в капитаны 2-го ранга. Впоследствии занимал должности главы Московской конторы Адмиралтейской коллегии, советника Адмиралтейской коллегии. В июне 1739 года произведен в генерал-лейтенанты и назначен главой Оренбургской экспедиции. Скончался в июле 1741 года. Князь Иван Алексеевич служил преимущественно на Балтийском флоте, командовал фрегатом. Параллельно с братом участвовал в морской кампании на Каспии в период Персидского похода 1722—1723 годов. В августе 1727 года уволен с флота по состоянию здоровья с чином капитана 3-го ранга. В 1732—1735 годах состоял в должности воеводы Свияжской провинции.

день не удалось. Известно, однако, что в Преображенском полку много лет прослужил князь Семен Никитич Урусов (по всей вероятности, дядя Григория Алексеевича), начавший военную карьеру еще в Преображенской потешной роте в 1689 году⁷⁰³. Как явствует из введенных в научный оборот материалов полкового архива, в феврале 1713 года гвардии капитан Семен Урусов из командиров 11-й роты Преображенского полка был переведен на ту же должность в 4-ю роту⁷⁰⁴.

Служба у князя Григория Алексеевича ладилась. В 1707 году гвардии рядовой князь Григорий Урусов был произведен в прапорщики с переводом из 16-й роты Преображенского полка в 13-ю⁷⁰⁵. В качестве прапорщика 13-й роты князь Г. А. Урусов был упомянут и в списке офицеров полка за 1709 год⁷⁰⁶.

В мае 1714 года ставший к тому времени капитан-поручиком Григорий Урусов был произведен в капитаны и назначен командиром «родной» 13-й роты Преображенского полка. Через год, в мае 1715 года, князь Григорий Алексеевич был переведен на должность командира 4-й роты все того же Преображенского полка⁷⁰⁷.

Вместе с тем каких-либо подробностей служебно-боевой деятельности Григория Алексеевича выяснить на сегодняшний день не удалось. С уверенностью возможно лишь предположить, что за долгие годы военной службы он не получил ни единого ранения.

Достоверно известно, однако, что уже в 1714 году гвардии капитан Григорий Урусов оказался (хотя, вероятнее всего, кратковременно) привлечен к следственной деятельности, и к деятельности этой его привлек сам командир Преображенского полка гвардии подполковник князь В. В. Долгоруков.

По поручению следственной канцелярии Василия Долгорукова в 1714 году князь Григорий Алексеевич был командирован в Москву. В бывшей столице гвардеец провел обыск в доме сенатора В. А. Апухтина, опечатав его имущество, а заодно оповестил население бывшей столицы о возможности подавать жалобы на злоупотребления сенатора. Согласно формулировке опубликованного документа, «прибивал... письма к градским воротам и к его двору, чтоб приходили все и сказывали, кому какая обиды или интересу великаго государя что противное учинил»⁷⁰⁸.

Жизнь Г. А. Урусова как строевого офицера окончательно изменилась на исходе 1717 года, когда он оказался при-

влечен к работе в одной из новоучрежденных следственных канцелярий. Обстоятельства перехода князя Григория Алексеевича на следственное поприще были, однако, не вполне ординарны.

Дело в том, что имя Григория Урусова отсутствовало в списке восьми офицеров Преображенского полка, которых было приказано откомандировать в Санкт-Петербург уже упоминавшимся распоряжением Петра I от 11 ноября 1717 года⁷⁰⁹. Как возможно сделать вывод из последующих событий, именно эти офицеры (вместе с одновременно направленными в столицу шестью офицерами гвардии Семеновского полка) образовали собой кригсрехт, перед которым предстал глава первой следственной канцелярии России гвардии майор князь М. И. Волконский.

Между тем, хотя Г. А. Урусов не был в ноябре этого года вызван в Санкт-Петербург (и, соответственно, не участвовал в суде над Михаилом Волконским), царь вписал его имя в предварительный список следователей проектируемых канцелярий, составленный в начале декабря⁷¹⁰.

Что бы там ни было, в столь насыщенный событиями день генерал-лейтенант князь В. В. Долгоруков направил находившемуся в Москве Григорию Урусову «ордир» (приказ) следующего содержания: «Ц[арское] в[еличество] указал тебе здесь в Санкт-П[итер]б[урге] быть для розыскных дел. Того ради по получении сего, оставя все свои нужды, приезжайте, как наискорее, сюда...»⁷¹¹

Гвардии капитан Г. А. Урусов стал ассессором следственной канцелярии, которую возглавил командир Семеновского полка гвардии подполковник князь П. М. Голицын. Самым значимым уголовным делом, попавшим в производство этой канцелярии, стало дело в отношении санкт-петербургского генерал-губернатора, президента Военной коллегии и сенатора, генерал-фельдмаршала, светлейшего князя А. Д. Меншикова.

Александр Данилович обвинялся в организации фальшивых подрядов, казнокрадстве, финансовых махинациях. Уголовное дело светлейшего князя канцелярия Петра Голицына получила «в наследство» от той самой следственной канцелярии князя В. В. Долгорукова (прекратившей существование в том же декабре 1717 года), к работе которой за три года до того привлекался Григорий Урусов.

Известно, что ущерб, нанесенный А. Д. Меншиковым казне, составил, по версии канцелярии Василия Долго-

рукова более миллиона рублей⁷¹² (примерно одна восьмая государственного бюджета России). Светлейший князь отмеченную сумму оспаривал, доказывая, что он не только не расхищал казенные средства, а, наоборот, сам израсходовал на казенные нужды 147 тысяч 155 рублей личных средств⁷¹³. Весь клубок многолетних непрозрачных финансовых отношений А. Д. Меншикова с казной (образовавших так называемое «счетное дело» светлейшего) предстояло распутывать следственной канцелярии князя Петра Голицына.

Можно полагать, что определение Григория Урусова именно в канцелярию П. М. Голицына было обусловлено желанием Петра I сохранить «жесткий» подход к расследованию злоупотреблений Александра Меншикова, который был свойствен канцелярии В. В. Долгорукова, соперничавшего с «полудержавным властелином» за близость к главе государства. Григорий Урусов не только долгое время служил в Преображенском полку под командованием В. В. Долгорукова, но и состоял в родстве с разветвленным родом Долгоруковых по матери, Василисе Петровне Долгоруковой. Кроме того, родной брат князь Василий был женат на княжне Прасковье Петровне Долгоруковой.

В соперничестве между Александром Меншиковым и Василием Долгоруковым Г. А. Урусов был явно на стороне последнего. Известно, что в 1715 году Григорий Алексеевич предупреждал В. В. Долгорукова, что А. Д. Меншиков специально направил офицера разузнать про «обиды и взятки» со стороны Василия Долгорукова, якобы допущенные им в Польше, когда он командовал расквартированными там русскими войсками⁷¹⁴.

О том, что князя Григория Алексеевича связывали с князем Василием Владимировичем не только служебные, но и некие личные отношения, свидетельствует также постскрипtum, внесенный В. В. Долгоруковым в упоминавшийся выше приказ от 9 декабря 1717 года. В этом постскриптуме генерал-лейтенант Василий Долгоруков сугубо неформально (хотя и весьма туманно) предупреждал капитана Г. А. Урусова: «Не наведи на нас слова, и сам[ом]у б тебе не пострадать...»⁷¹⁵

Одновременно с началом работы в следственной канцелярии Петра Голицына Г. А. Урусову довелось оказать-ся в числе судей на процессе царевича Алексея Петровича. Как и большинство гвардейских офицеров, князь

Григорий Алексеевич был включен в состав специального судебного присутствия, которое приговорило царевича Алексея Петровича к смертной казни⁷¹⁶. Подпись гвардии капитана Григория Урусова стоит на приговоре 58-й по счету.

При том, что конкретных сведений о деятельности Г. А. Урусова в качестве следователя выявить к настоящему времени не удалось, представляется очевидным, что эта деятельность вызвала одобрение со стороны Петра I. Дело в том, что после скоропостижной кончины П. М. Голицына (в январе 1722 года) презусом канцелярии император назначил именно князя Григория Алексеевича. Следственной канцелярией Г. А. Урусов руководил до декабря 1723 года, когда последовало закрытие всех «майорских» канцелярий. Основным делом, которым занималась его канцелярия, явилось «счетное дело» А. Д. Меншикова.

Поскольку материалы «счетного дела» не введены к настоящему времени в научный оборот (по всей вероятности, они не сохранились), оценить итоги работы следственной канцелярии Г. А. Урусова не представляется возможным. Как бы то ни было, сам светлейший князь А. Д. Меншиков воспринимал «счетное дело», судя по всему, как серьезную угрозу для своей персоны.

Об этом, в частности, свидетельствует письмо Александра Меншикова от 4 апреля 1724 года царице Екатерине Алексеевне (которая не раз выступала в качестве его заступницы перед мужем), в котором он писал: «Всемилоостивейше просил я у его императорского величества во всех моих винах... прощения, с которого прилагаю для известия вашему величеству копию и притом всенижайше прошу вашего матернего* всемилостивейшего предстательства и заступления, понеже, кроме бога и ваших величеств превысокой ко мне отеческой милости, иного никакого надеяния не имею»⁷¹⁷.

Уже после прихода к власти Екатерины I Александр Данилович, став фактически вторым лицом в государстве, добился издания особого именного указа от 8 декабря 1725 года, в котором императрица милостиво предписала «объявленных на него счетов не спрашивать и по тем делам ныне и впредь не следовать и уничтожить»⁷¹⁸.

Однако издания указа «полудержавному властелину» показалось недостаточно. 9 января 1726 года Александр

* То есть материнского.

Меншиков приказал обнародовать указ типографски (!) и обеспечить рассылку его экземпляров по всей империи («разослать... во все города»)⁷¹⁹.

Несмотря на изложенные выше обстоятельства, князь Григорий Алексеевич ни имущественно, ни карьерно не пострадал в годы нового возвышения Александра Меншикова. Более того: в 1726 году Г. А. Урусов был произведен в «полевые» полковники и ему было «велено... управлять в гвардии за майора»⁷²⁰.

Однако вскоре Г. А. Урусову пришлось навсегда расстаться с привычной ему гвардейской средой. Как уже отмечалось, 9 сентября 1727 года, при отстранении от власти А. Д. Меншикова, Григорий Алексеевич был временно определен санкт-петербургским комендантом. 11 октября его произвели в бригадиры и утвердили в отмеченной должности.

На этом, однако, высочайшие милости не завершились. 19 декабря император Петр II повысил должностной статус Г. А. Урусова до обер-коменданта⁷²¹. Воспользовавшись благоприятной ситуацией, князь Григорий Алексеевич подал челобитную с просьбой о дальнейшем повышении еще и в чине.

Сообразно тогдашним бюрократическим традициям документ начинался с изложения сведений о прежних службах челобитчика. Григорий Урусов отметил: «...служил я... деду и бабке* вашего императорского величества с [1]704 года лейб-гвардии в Преображенском полку и был солдатом и обер-офицером безпорочно и безотлучно. И ныне служу вашему императорскому величеству со всяким моим рабским усердием...»

Далее новоиспеченный обер-комендант констатировал, что некие офицеры («прочие моя братья»), начавшие службу либо в один год с ним, либо позже, уже произведены в генералы, и делал горестный вывод, что он «перед оными моею братьею в награждении рангом безвинно остался»⁷²². Император воспринял челобитную вполне благосклонно:

* Упоминание о «бабке» нового императора было весьма странным. Г. А. Урусов не мог не знать, что императрица Екатерина I (а именно она здесь подразумевалась) не состояла ни в каких родственных отношениях с новым императором. Бабушками Петра II являлись в действительности царица Евдокия Федоровна (наильно постриженная в монахини в 1696 году) и принцесса Кристина Луиза Эттингенская (по материнской линии).

уже 1 января 1728 года князь Григорий Урусов стал генерал-майором⁷²³.

Остается добавить, что в качестве столичного обер-коменданта Г. А. Урусов вновь соприкоснулся (хотя и косвенно) с низвергнутым с высот власти Александром Меншиковым. В ноябре 1727 года именно на Григория Алексеевича была возложена обязанность обеспечить войсковой охраной все конфискованное движимое и недвижимое имущество А. Д. Меншикова, находившееся в Санкт-Петербурге⁷²⁴.

На должности Санкт-Петербургского обер-коменданта Г. А. Урусов пробыл до самого конца правления Петра II. Но и смена власти отнюдь не повредила карьере князя Григория Алексеевича: 4 марта 1730 года только что взошедшая на престол императрица Анна Иоанновна определила его сенатором⁷²⁵.

Тогда же в Сенат был назначен и бывший полковой командир и старший товарищ Григория Урусова князь В. В. Долгоруков (ставший к тому времени генерал-фельдмаршалом). Однако совместная работа князей Григория Алексеевича и Василия Владимировича в Сенате продлилась недолго.

22 декабря 1731 года Григорий Алексеевич был определен в состав особого судебного присутствия, учрежденного императрицей для рассмотрения дела В. В. Долгорукова⁷²⁶, обвиненного в совершении государственного преступления. Учитывая, что Анна Иоанновна имела обыкновение тщательно отслеживать личные и родственные связи высших должностных лиц, не вызывает сомнений, что включение Г. А. Урусова в состав этого судебного присутствия являлось проверкой его лояльности по отношению к новой императрице.

Судебное следствие по делу генерал-фельдмаршала Василия Долгорукова не затянулось. Того же 22 декабря 1731 года, ограничившись заслушиванием краткого сообщения «о винах» подсудимого и статей военно-уголовного законодательства, по которым эти «вины» квалифицировались, судьи приговорили Василия Долгорукова к смертной казни, лишению чинов и конфискации имущества. При утверждении приговора императрица заменила смертную казнь на ссылку в крепость Шлиссельбург⁷²⁷.

3 января 1732 года состоялся именной указ об учреждении под руководством («дирекцией») сенатора князя Григория Урусова комиссии для счета денег и рассмотре-

ния дел Сибирского приказа. Членами комиссии определялись действительный статский советник Иван Шереметев, полковник Василий Титов, стольник князь Василий Мещерский и статский советник Иван Позняков⁷²⁸. Уже 11 февраля Г. А. Урусов доложил из Москвы рапортом Анне Иоанновне о том, что, собрав комиссию и забрав из Сибирского приказа дела и счета, «в объявленное следствие вступил» и что «следствие производится без умедления и доимки разыскиваются неослабно»⁷²⁹.

Дальнейшая служебная деятельность Григория Урусова оказалась вновь надолго связана с армией. Он инспектировал полки, участвовал в боевых действиях в Польше, формировал на Украине ландмилиционный корпус. 6 декабря 1734 года Григорий Урусов был произведен в генерал-лейтенанты⁷³⁰. Под его непосредственным руководством к 1740 году была создана система оборонительных сооружений на Украинской линии между реками Днепр и Северский Донец.

2 марта 1740 года Григорий Урусов был назначен воронежским губернатором с денежным содержанием 809 рублей 50 копеек в год с выплатой ежеквартально из доходов губернии. В этой должности Григорий Алексеевич находился совсем недолго, и каких-либо подробностей его деятельности в Воронеже в научный оборот доньше не вводилось⁷³¹.

17 сентября 1741 года Г. А. Урусов повторно определяется к присутствию в Сенате⁷³². По воле судьбы вскоре он встретился в сенатских стенах с вернувшимся из ссылки князем Василием Долгоруковым, восстановленным в чине генерал-фельдмаршала и вновь назначенным в Сенат в декабре 1741 года. О том, как встретились и как общались князья друг с другом, остается только гадать.

Последняя выявленная запись о присутствии Григория Алексеевича на заседании Сената датирована 11 апреля 1743 года⁷³³. Известно также, что 25 апреля генерал-лейтенант Г. А. Урусов был возведен в кавалеры ордена Святого Александра Невского⁷³⁴.

По сведениям осведомленного Д. Н. Бантыш-Каменского, Григорий Урусов скончался в том же 1743 году⁷³⁵. Документального подтверждения этой даты выявить, однако, к настоящему времени не удалось.

Поньше неизвестным осталось и место погребения князя Григория Алексеевича.

**«НА ВАС ВЕСЬ ПИТЕРБУРХ ВСТАНЕТ...»:
В. И. ИВАНОВ И В. Г. ЯЗЫКОВ**

1723 года декабря 9 дня в городе Санкт-Петербурге император Петр Великий посетил заседание Вышнего суда — учрежденного менее года назад высшего судебного органа империи. В чередѣ иных неотложных вопросов главе государства была доложена просьба бывшего следователя гвардии подпоручика В. Г. Языкова, содержавшегося под стражей при Военной коллегии. Василий Языков настаивал на личной встрече с императором, обещая предоставить секретные сведения, изобличавшие бывшего главу фискальской службы России А. Я. Нестерова, дело по обвинению которого расследовала Розыскная контора Вышнего суда.

Адресованный подпоручику Василию Григорьевичу ответ Петра Великого, зафиксированный секретарем суда, был, однако, сколь лаконичным, столь и обескураживающим: «Отвечать в своих делах»⁷³⁶. Кто же такой был гвардии подпоручик Василий Языков? Отчего государь отказался от встречи с ним? И что это были за преступления, за которые ему предстояло «отвечать»?

На сегодняшний день о жизни В. Г. Языкова известно совсем немного. Не случайно единственная опубликованная биографическая справка о нем составляет неполных семь строк⁷³⁷. Из раннего периода жизни Василия Григорьевича довелось единственно установить, что происходил он из дворян⁷³⁸ (или, как писали в документах первой половины XVIII века, «из шляхетства»).

Фамилия Языковых являлась весьма разветвленной: достаточно сказать, что в XVII веке только в рядах «царедворцев» насчитывалось 48 (!) ее представителей⁷³⁹. При этом трое из Языковых, ставших «царедворцами» в последней трети века, носили имя Григорий⁷⁴⁰. Являлся ли кто-то из них отцом В. Г. Языкова, осталось неясным, но сам он в «царедворцы» так и не попал⁷⁴¹.

Ни времени, ни места рождения Василия Языкова установить к настоящему времени не удалось. Первые выявленные сведения о нем относятся к самому концу XVII века.

Согласно архивному документу, в 1699 году Василий Григорьевич был зачислен солдатом в гвардии Преображенский полк, причем сразу в бомбардирскую роту⁷⁴², ко-

мандиром которой в то время числился царь Петр Алексеевич (в полковых документах он фигурировал как «капитан Петр Михайлов»). Каких-либо подробностей о боевой службе В. Г. Языкова выявить к настоящему времени также не удалось. Представляется возможным лишь с уверенностью предположить, что он являлся участником основных кампаний Великой Северной войны и, вероятно, Прутского похода 1711 года.

Военная карьера Василия Григорьевича сложилась далеко не блестяще. В «солдатстве» он провел полтора десятилетия и только в октябре 1714 года был произведен из бомбардиров в гвардии подпоручики⁷⁴³ (судя по всему, миновав первый офицерский чин прапорщика).

Поворот в жизни Василия Григорьевича произошел в марте 1718 года: он был определен ассессором в следственную канцелярию полковника Г. И. Кошелева, из руководящего состава которой месяцем ранее выбыл дьяк Ф. Д. Воронов, арестованный (а затем казненный) по фальсифицированному обвинению в государственном преступлении.

Одновременно с Василием Языковым на должность ассессора канцелярии был назначен подпоручик гвардии Семеновского полка Василий Иванович Иванов. Формально к исполнению следственных обязанностей оба приступили согласно распоряжению Герасима Кошелева от 6 марта 1718 года⁷⁴⁴.

О В. И. Иванове известно на сегодня еще меньше, чем о В. Г. Языкове. Судя по тому, что на всем протяжении их последующих взаимных отношений в канцелярии Языков выступал в роли старшего*, Иванов был моложе его по возрасту и имел более скромный стаж боевой службы. Неформальная руководящая роль Василия Языкова не поколебалась даже после того, как Василий Иванов в 1719 году был произведен в гвардии поручики.

Будучи ассессорами следственной канцелярии, В. И. Иванов и В. Г. Языков оказались включены в состав специального судебного присутствия, учрежденного для рассмотрения дела царевича Алексея. Подпись В. Г. Языкова стоит на приговоре 93-й, В. И. Иванова — 110-й по счету (он же расписался за неграмотного гвардии подпоручика Василия Коростелева).

* Во всех документах, подписанных совместно В. И. Ивановым и В. Г. Языковым, подпись Василия Григорьевича неизменно стоит первой. Для того времени это безусловный показатель старшинства.

В 1718 году в производстве следственной канцелярии Герасима Кошелева находилась подборка резонансных, по современной терминологии, уголовных дел по должностным и экономическим преступлениям, возбужденных главным образом фискальской службой России. Особое место в производстве канцелярии занимали дела по обвинению бывшего архангелогородского вице-губернатора А. А. Курбатова, братьев Соловьевых, дьяка П. К. Скурихина и комиссара П. И. Власова. По состоянию на март 1719 года под следствием канцелярии находился 51 человек, 12 из которых содержались под стражей, остальные — под подпиской о невыезде⁷⁴⁵.

На протяжении 1718—1719 годов В. И. Иванову и В. Г. Языкову нередко приходилось работать без руководителя («презуса»): обремененный многими параллельными служебными обязанностями Герасим Кошелев часто и подолгу отсутствовал в канцелярии. Не особенно часто бывал в канцелярии и ее новый глава — гвардии майор М. А. Матюшкин, назначенный Петром I на место Герасима Кошелева 10 апреля 1719 года. Несмотря на свой более чем скромный служебный статус, ассессоры Василий Иванов и Василий Языков порой докладывали о делах следственной канцелярии самому главе государства, самостоятельно оформляя затем устные распоряжения царя по вопросам ее деятельности⁷⁴⁶.

В подобных условиях, привыкнув к независимости (и, судя по всему, «сработавшись» друг с другом), Василий Иванович и Василий Григорьевич стали чем дальше, тем больше испытывать недовольство ходом расследования ряда уголовных дел, в первую очередь — братьев Соловьевых, а также П. К. Скурихина и П. И. Власова. Не найдя поддержки у непосредственного руководителя М. А. Матюшкина, Иванов и Языков решились на неординарный шаг — доложить о непорядках в следственной канцелярии Петру I. В истории следственных канцелярий первой четверти XVIII века это был единственный случай, когда ассессоры предприняли подобный демарш в обход презуса.

Но В. И. Иванов и В. Г. Языков не просто взяли жаловаться государю, что «по канцелярии нашей в делах остановка и винным закрывательство». На трех листах доношения, подготовленного в августе или начале сентября 1720 года⁷⁴⁷, они рискнули поднять вопрос о механизме торможения резонансных уголовных дел, в связи с чем высказали подозрения в отношении нескольких весьма вли-

ятельных должностных лиц, привели эпизоды очевидного покровительства ряду подследственных со стороны руководителей следственных канцелярий М. А. Матюшкина и генерал-майора и гвардии майора князя Г. Д. Юсупова, а также многолетнего помощника Петра I кабинет-секретаря А. В. Макарова.

Высказывание недвусмысленных подозрений в адрес Михаила Матюшкина и Григория Юсупова означало конфликт В. И. Иванова и В. Г. Языкова как с командованием гвардейских полков, в штате которых они продолжали состоять, так и с руководством Военной коллегии.

Что касается Алексея Макарова, то именно через него главе государства поступал основной объем документации. В первой половине 1720-х годов кабинет-секретарь, имевший наиболее свободный доступ к Петру I, превратился в одну из ключевых фигур в руководстве страны⁷⁴⁸.

В подобном контексте не приходится удивляться, что доношение Василия Иванова и Василия Языкова завершалось примечательным свидетельством о том, как Г. Д. Юсупов, «устрашивая нас, говорил... что де на вас весь Питербурх встанет»⁷⁴⁹. Дальнейшие события в полной мере подтвердили правоту искушенного в столичных «конъюнктурах» князя Григория Дмитриевича.

Первая проблема у В. И. Иванова и В. Г. Языкова возникла с подачей доношения. Несмотря на то что оба гвардейца были лично известны главе государства (7 июня 1720 года Петр I даже крестил у Василия Языкова сына⁷⁵⁰), добиться встречи с царем было нелегко. Кто-то из асессоров долго носил доношение при себе*, пока его не удалось вручить в руки государю 25 сентября 1720 года в Санкт-Петербурге в частном доме⁷⁵¹. С этого момента для асессоров-правдоискателей Василия Иванова и Василия Языкова наступила полоса злоключений.

Уже 27 сентября Петр I указал отстранить В. И. Иванова и В. Г. Языкова от должностей асессоров следственной канцелярии и отдать их под следствие⁷⁵². Основанием для указа послужило доношение с обвинениями асессоров в должностных преступлениях, которое представил глава

* Осмотр подлинника документа показал, что изначально он был сложен вчетверо. Заметная потертость листов по вертикальным сгибам свидетельствует о том, что документ длительное время хранился в плотно сложенном виде — вероятно, в кармане мундира или в полевой сумке.

фискальской службы России обер-фискал А. Я. Нестеров, а также некое доношение, которое подал дьяк следственной канцелярии Михаила Матюшкина И. В. Ангелов (Иван Васильев)⁷⁵³, вступивший к тому времени в прямой конфликт с Ивановым и Языковым.

Странность в данном случае заключалась в том, что, как явствует из архивного документа, Алексей Нестеров направил доношение главе государства с сопроводительным письмом на имя А. В. Макарова еще 13 сентября⁷⁵⁴. Учитывая, что правительственные документы передавались внутри Санкт-Петербурга в течение дня и что Петр I имел обыкновение незамедлительно реагировать на поступавшую к нему информацию фискальской службы, возможно с уверенностью предположить, что если бы доношение обер-фискала было доложено Алексеем Макаровым сразу же, то царь никак не стал бы выжидать две недели, чтобы отстранить ассессоров от должности (хотя бы на время проведения служебной проверки). Следовательно, кабинет-секретарь предпочел «придержать» доношение А. Я. Нестерова у себя. По всей очевидности, не предполагая, что документ пригодится так скоро.

Доношение Алексея Нестерова содержало 18 пунктов обвинений против В. И. Иванова и В. Г. Языкова⁷⁵⁵. Глава фискальской службы инкриминировал ассессорам превышение должностных полномочий, злоупотребление должностными полномочиями, халатность, служебный подлог и получение взяток. Десять пунктов доношения касались эпизодов якобы преступных связей Василия Ивановича и Василия Григорьевича с московским фискалом Михаилом Косым, добивавшимся отстранения А. Я. Нестерова от должности.

Далее интрига с В. И. Ивановым и В. Г. Языковым несколько застопорилась, хотя в неустановленный момент они были арестованы. Лишь 13 декабря 1720 года гвардии подполковник И. И. Бутурлин объявил царский указ немедленно расследовать дело по обвинению Василия Иванова и Василия Языкова в Военной коллегии⁷⁵⁶.

Примечательно, однако, что десятью днями ранее, 3 декабря, Петр I распорядился изъять из производства канцелярии М. А. Матюшкина уголовное дело по обвинению Петра Власова и Петра Скурихина (одно из тех, о затягивании расследования которых писали опальные ассессоры) и передать его в специально учрежденную следственную канцелярию подполковника Ивана Бутурлина⁷⁵⁷. По всей оче-

видности, в тот момент глава государства испытывал еще какие-то колебания как по поводу обоснованности обвинений, выдвинутых в отношении Василия Иванова и Василия Языкова, так и по поводу справедливости их доношения о непорядках в канцелярии. Как бы то ни было, по воле государя в декабре 1720 года бывшие ассессоры оказались в статусе подследственных.

24 декабря Военная коллегия вынесла решение учредить для разбирательства дела В. И. Иванова и В. Г. Языкова следственную канцелярию во главе с комендантом Петропавловской крепости полковником Я. Х. Бахмеотовым. Первый допрос Иванова и Языкова состоялся 17 января 1721 года. Для начала подследственных спросили, не желают ли они ходатайствовать об отводе кого-либо из состава следственной канцелярии.

В ответ они письменно заявили об отказе отвечать на вопросы, поскольку подали доношение самому царю и ожидают его решения по делу. Василий Языков, впрочем, все же высказал мотивированный отвод Якову Бахмеотову и двум ассессорам канцелярии⁷⁵⁸. Отказ давать показания Василий Иванович и Василий Григорьевич подтвердили, будучи вызваны 31 января к самому президенту Военной коллегии генерал-фельдмаршалу А. Д. Меншикову (за что были переведены на более строгий режим содержания под стражей)⁷⁵⁹.

В конце концов, был выработан компромисс. В феврале Военная коллегия сформировала следственную канцелярию нового состава, презусом которой стал полковой сослуживец Василия Языкова М. И. Бобрищев-Пушкин.

Как удалось установить, Михаил Бобрищев-Пушкин начал службу в 1704 году солдатом в 1-й роте Преображенского полка⁷⁶⁰. В мае 1714 года был произведен в капитан-поручики, а в ноябре 1718-го — в капитаны и назначен командиром 5-й роты полка⁷⁶¹.

14 марта 1721 года на заседании новой следственной канцелярии В. И. Иванов и В. Г. Языков заявили, что «как де с презусом, так и с ассессорами недружбы и подозрения на них не имеют» и готовы давать показания⁷⁶². Так начала работу канцелярия М. И. Бобрищева-Пушкина*. В ее ассесорский состав входили три офицера. Дольше всего асес-

* В документах канцелярия пространно именовалась «инквизицией, производящейся лейб-гвардии над афицеры лейтенантом Васильем Ивановым и ундер-лейтенантом Васильем Языковым».

сорами состояли капитан-поручик Семеновского полка С. А. Худошин и подпоручик того же полка А. Р. Сабуров. Кроме того, по просьбе Михаила Бобрищева-Пушкина к канцелярии прикомандировывались аудиторы*: сначала Федор Дурасов, а затем М. В. Ершов⁷⁶³.

Ознакомление с сохранившимися материалами уголовного дела оставляет впечатление, что М. И. Бобрищев-Пушкин старался вполне добросовестно выполнить возложенное на него следственное поручение. Он тщательно отыскивал улики, подтверждавшие выдвинутые против Василия Иванова и Василия Языкова обвинения, упорно добивался вызова необходимых свидетелей, проводил очные ставки. Если же учесть, что должность презуса Михаил Бобрищев-Пушкин совмещал с прежними обязанностями ротного командира⁷⁶⁴, а в 1721—1724 годах являлся еще и ассессором следственной канцелярии И. И. Бутурлина, то необходимо признать, что по делу В. И. Иванова и В. Г. Языкова он выполнил максимум возможных следственных действий.

Перелом в деле Василия Иванова и Василия Языкова мог бы наступить в конце 1722-го — начале 1723 года, когда развернулось масштабное следствие в отношении А. Я. Нестерова, обвиненного в совершении многочисленных преступлений против интересов службы. Воспользовавшись ситуацией, 14 января 1723 года М. И. Бобрищев-Пушкин допросил бывшего обер-фискала и потребовал предъявить доказательства в подтверждение его обвинений, выдвинутых против Василия Иванова и Василия Языкова в 1720 году. В ответ тот сослался на свое прежнее доношение, добавив, что «иного доказанья он... на них, Иванова и Языкова, не имеет»⁷⁶⁵.

Впрочем, прекращение уголовного преследования Иванова и Языкова никак не входило в планы их могущественных недоброжелателей. Именно поэтому не удалась попытка Василия Языкова добиться личной встречи с Петром I, о которой он начал просить в феврале 1723 года после обнаружения указа с призывом к «всяких чинов людям» объявлять об «обидах» со стороны А. Я. Нестерова⁷⁶⁶. Импера-

* В отечественном военно-уголовном процессе XVIII века на аудитора возлагались разнородные, но весьма ответственные полномочия: он выступал в роли юрисконсульта, секретаря судебного заседания, участвовал в сборе доказательств на досудебной стадии, заверял обобщающие процессуальные документы, а также докладывал суду материалы дела.

тор отказался от встречи с бывшим следователем. Причем в резкой форме.

Новый поворот в деле В. И. Иванова и В. Г. Языкова мог бы наступить в связи с тяжелой болезнью и кончиной 28 января 1725 года Петра Великого, что повлекло за собой обнародование трех амнистиционных указов. Первый из них издал 27 января 1725 года Правительствующий сенат, «дабы Господь Бог даровал его величеству от скорби исцеление»⁷⁶⁷, второй — 30 января вступившая на престол императрица Екатерина I «для поминовения блаженные и вечnodостойныя памяти его императорского величества», третий — 14 февраля вновь Сенат⁷⁶⁸.

В этих указах предусматривалось освобождение от наказания всех осужденных военными и гражданскими судами за исключением тех, кто был изобличен в государственных преступлениях, умышленных убийствах и неоднократных разбоях. Поскольку В. И. Иванов и В. Г. Языков обвинялись в должностных преступлениях, их уголовное дело, исходя из смысла амнистиционных указов, могло быть прекращено. Этого, однако, не произошло.

Вместо этого в следственной канцелярии М. И. Бобрщева-Пушкина стали готовить по делу Василия Иванова и Василия Языкова «выписку» — обобщающий процессуальный документ, необходимый для передачи дела в суд. В «выписке» излагались основания для возбуждения уголовного дела, описывались предпринятые следственные действия и добытые доказательства. Подготовка «выписки», объем которой составил 63 листа⁷⁶⁹, была завершена к марту 1725 года. Из «выписки» явствует, что, несмотря на все предпринятые усилия, за четыре с лишним года следствию так и не удалось собрать никаких весомых доказательств вины В. И. Иванова и В. Г. Языкова. Обвиняемые изобличались по нескольким эпизодам лишь показаниями трех свидетелей (в первую очередь дьяка Ивана Ангелова), правдивость которых вызывала сомнения.

К примеру, исключительно на показаниях И. В. Ангелова строилось весьма серьезное обвинение В. И. Иванова и В. Г. Языкова в том, что они уничтожили («изодрали») подлинник ими же закрепленного именного указа от 11 января 1719 года о прекращении следствия по делу братьев Соловьевых, не раз уже упоминавшегося на страницах этой книги. Наличие такого указа оба офицера отрицали⁷⁷⁰.

Между тем, как явствует из сохранившейся подборки наиболее важных документов канцелярии Г. И. Кошеле-

ва — М. А. Матюшкина, 11 января 1719 года действительно состоялся указ Петра I (закрепленный единолично Василием Ивановым), касающийся Д. А., О. А. и Ф. А. Соловьевых. Вот только речь в указе шла не о прекращении уголовного преследования троих братьев, а о конфискации их имущества⁷⁷¹.

Из той же подборки документов известно, что братья и после января 1719 года продолжали находиться под стражей. 19 мая 1719 года последовал именной указ, закрепленный уже М. А. Матюшкиным, о переводе Соловьевых в Петропавловскую крепость⁷⁷². Более того: в письме коменданту Я. Х. Бахмеотову от 25 мая Михаил Матюшкин указал, чтобы Дмитрий, Осип и Федор Соловьевы содержались в строгой изоляции, исключающей их общение между собой⁷⁷³. Как-то не вяжется это с утверждением свидетеля И. В. Ангелова о царском повелении прекратить следствие по делу братьев.

Остается добавить, что упомянутая книга документации, несмотря на неоднократные запросы М. И. Бобрищева-Пушкина, так и не была ему предоставлена⁷⁷⁴. Впрочем, в контексте ситуации удивляться этому не приходится.

3 марта 1725 года Василий Иванов и Василий Языков были вызваны в следственную канцелярию, где им предложили ознакомиться с «выпиской». Вновь проявив строптивость, оба заявили, что «выписки» «им смотреть не для чего» и, сославшись на недавние амнистиционные указы, потребовали освободить их из-под стражи⁷⁷⁵. Однако всего неделю спустя настрой одного из подследственных кардинально изменился.

11 марта 1725 года Василий Языков подал в следственную канцелярию собственноручно написанное заявление о признании всех выдвинутых против него обвинений. В этом документе (никак не озаглавленном, но далее в материалах дела обозначенном как «извинение») бывший следователь указал, что инкриминированные ему деяния («мое погрешение») были совершены «моим незнанием и безо всякой моей корысти». В заключительных строках «извинения» Василий Григорьевич «с прегорестными слезами» (!) обратился к императрице с просьбой о «милосерд[н]ом прощении»⁷⁷⁶.

Появление «извинения» было, несомненно, связано с психологическим давлением, которое на обвиняемых оказал или Михаил Бобрищев-Пушкин, или же Г. Д. Юсупов. Зачем потребовалось «извинение», не вполне ясно. Конеч-

но, следствию так и не удалось собрать по делу Василия Иванова и Василия Языкова полноценную доказательственную базу. Но ведь никакого независимого судебного разбирательства в данном случае заведомо не предполагалось, и заинтересованные лица могли не опасаться, что дело «рассыплется» в суде.

По всей очевидности, принуждение принести «извинение» имело целью морально сломить опальных гвардейцев, заставить их навсегда замолчать о своих подозрениях в отношении «господ вышних командиров». Однако кто бы ни занимался тогда «обработкой» подследственных и каковы бы ни были ее цели, гвардии поручик В. И. Иванов повел себя более стойко и никакой своей вины так и не признал.

Итоговым документом работы канцелярии гвардии капитана М. И. Бобрищева-Пушкина, подготовленным на основе «выписки», явился документ, по содержанию напоминающий современное обвинительное заключение⁷⁷⁷. Этот документ был 15 июня 1725 года подписан Михаилом Ивановичем, тремя ассессорами и обер-аудитором Михеем Ершовым.

Василию Иванову и Василию Языкову были в конечном счете инкриминированы четыре эпизода превышения должностных полномочий и служебных подлогов: самовольное осуществление расследования по нескольким уголовным делам, внесение задним числом поправки в одно из постановлений следственной канцелярии, самовольное наложение штрафов на подследственных, уничтожение мифического именного указа от 11 января 1719 года. В качестве пятого эпизода обвинения в документе фигурировал отказ гвардейцев давать показания на допросах в следственной канцелярии.

Вмененные Иванову и Языкову преступные деяния следственная канцелярия квалифицировала (стоит признать, с формально-юридической стороны вполне корректно) по статьям 27, 28, 35, 201 и 203-й Артикула воинского* и по Наказу «майорским» канцеляриям от 9 декабря 1717 года**. Констатировав, что «подлежали было они, Языков и Ива-

* Предусматривали ответственность за неисполнение приказа командира, служебный подлог и за умышленное уничтожение списков и экземпляров административных и законодательных актов.

** Предусматривал назначение презусу и ассессорам следственной канцелярии смертной казни за получение взятки и попустительство в отношении подследственных.

нов, смертной казни», канцелярия тут же выдвинула ходатайство о их помиловании — в силу упоминавшихся амнистических указов⁷⁷⁸. 16 июня 1725 года М. И. Бобринцев-Пушкин направил «выписку» и обвинительное заключение в Военную коллегию, предложив передать ей также и все остальные материалы дела, а его следственную канцелярию расформировать («о[б] увольнении нас к полкам указ учинить»)⁷⁷⁹.

Далее уголовное дело В. И. Иванова и В. Г. Языкова подлежало направлению в военный суд. Поскольку тогдашнее отечественное военное судоустройство зиждилось на принципе, что военнослужащего должны судить его сослуживцы, судебное присутствие для рассмотрения дела Василия Ивановича и Василия Григорьевича должно было быть сформировано из строевых офицеров гвардейских полков. Поскольку выбор судей зависел всецело от командования, ничто не мешало сформировать состав суда из числа «управляемых» офицеров, которые вынесли бы Иванову и Языкову любой приговор. Однако даже такой сценарий могущественные противники опальных гвардейцев сочли недостаточно надежным.

Ни в какой военный суд уголовное дело по обвинению Василия Иванова и Василия Языкова так и не поступило. Получив выписку и обвинительное заключение по их делу, Военная коллегия не стала издавать распоряжения об учреждении суда для его разбирательства. Вместо этого коллегия для начала направила дело для заключения генерал-аудитору (чего тогдашнее военно-процессуальное законодательство вовсе не требовало).

Генерал-аудиторское заключение, подготовленное в июне 1725 года, оказалось неожиданно благоприятным для В. И. Иванова и В. Г. Языкова. Проявив очевидную беспристрастность (хотя, очень может быть, и «рекомендованную»), генерал-аудитор Военной коллегии пришел к выводу, что из материалов дела «не явствует: 1. Чтоб чрез их [В. И. Иванова и В. Г. Языкова] преступление ея императорского величества интересу какой вред приключился. 2. Чтоб преступление от них для какой корысти или взяток учинено было. 3. К тому ж оные Языков и Иванов уже пятой год под арестом содержатца. 4. Оной Языков... подал прошение, по которому приносит вину свою и просит милосердия»⁷⁸⁰.

Вслед за этим 30 июня Военная коллегия распорядилась утвердить обвинительное заключение следственной канце-

лярии М. И. Бобрищева-Пушкина (что никак не предусматривалось действовавшим военно-процессуальным законодательством). Соответственно к обвиняемым были применены предложенные в обвинительном заключении нормы амнистических указов.

Дополнительно, уже как центральный орган военного управления, коллегия указала направить Василия Иванова и Василия Языкова для дальнейшего прохождения службы «в полки в Баку». Вынесенное решение Военная коллегия отправила на утверждение в Правительствующий сенат⁷⁸¹, что опять-таки не предусматривалось никакими актами военного законодательства.

Все отмеченные процессуальные несообразности объяснялись просто: в судьбу уголовного дела В. И. Иванова и В. Г. Языкова в очередной раз вмешались могущественные лица. Ими были входивший в руководство Военной коллегии и ставший к тому времени сенатором князь Г. Д. Юсупов, а также А. В. Макаров, сохранивший должность кабинет-секретаря и еще более усиливший свое влияние при Екатерине I. Как явствует из невесть как уцелевшего в архиве личного письма Михаила Бобрищева-Пушкина Алексею Макарову от 11 июля 1725 года, Михаил Иванович выполнял в тот момент указание кабинет-секретаря (вряд ли официальное) о подготовке нового списка обвинительного заключения, предназначенного как раз для представления в Сенат⁷⁸².

В подобном контексте не приходится удивляться, что 30 июля Правительствующий сенат без возражений утвердил решение Военной коллегии по делу В. И. Иванова и В. Г. Языкова⁷⁸³. Что характерно, полностью воспроизведя в мотивировочной части указа приведенный выше фрагмент заключения генерал-аудитора Военной коллегии.

Получив сенатский указ, Военная коллегия 10 августа распорядилась освободить наконец В. И. Иванова и В. Г. Языкова из-под стражи и, «отдав им шпаги», отправить в Баку⁷⁸⁴. Там Василию Иванову и Василию Языкову предстояло вновь оказаться под началом М. А. Матюшкина, ставшего к тому времени командующим Низовым корпусом — группировкой российских войск в Западном и Южном Прикаспии.

Однако в эпопее бывших следователей вскоре наступил очередной поворот. Никак не вдохновившись перспективой службы на южной окраине империи, В. Г. Языков подал императрице Екатерине I челобитную о смягчении

участи. Эта челобитная поступила главе государства, естественно, через А. В. Макарова.

Поскольку Василий Григорьевич на следствии дрогнул и принес упомянутое выше «извинение», Алексей Макаров доложил вопрос в благоприятном для челобитчика ключе. В итоге императрица указала «отправить ево, Языкова, в киевской или в павловской гарнизон и дать ему там учеников, чтоб он артиллерийской науке обучал». Выраженное в устной форме, это высочайшее повеление было 6 сентября закреплено особым сенатским указом⁷⁸⁵.

Исполняя волю императрицы, 29 октября Военная коллегия распорядилась определить В. Г. Языкова в гарнизон города Павловска*, где «дать ему для обучения из малолетних салдацких детей». Одновременно коллегия вынесла решение о его чине: из гвардии подпоручиков он был произведен в «полевые» поручики⁷⁸⁶, что являлось очевидным компромиссом: при переводе из гвардии армейский чин присваивался на две ступени выше. А вот вопрос о Василии Иванове, проявившем на следствии неуместную стойкость, решился по-иному.

23 декабря Военная коллегия подтвердила прежнее решение о направлении В. И. Иванова в Баку. Спохватившись, вероятнее всего с подачи Григория Юсупова, что Василий Иванович продолжал числиться в Семеновском полку, коллегия разжаловала его в армейские поручики⁷⁸⁷. 30 декабря В. И. Иванов, явившись в Военную коллегию, дал подписку, что не будет впредь именовать себя гвардии поручиком и что обязуется незамедлительно выехать к новому месту службы⁷⁸⁸.

Дальнейшие обстоятельства биографий следователей Василия Иванова и Василия Языкова остались поныне непроясненными. Не исключено, что Василий Григорьевич не худшим образом устроился в Павловске — небольшой крепости с огромным артиллерийским парком, вывезенным из возвращенного туркам в 1712 году Азова. В 1726 году в Павловске числилось 194 пушки, 260 осадных и 1455 корабельных орудий, при которых состояли 153 «артилерских служителя»⁷⁸⁹.

Что касается Василия Ивановича, то ему с 1726 года суждено было служить в поистине гиблом месте. Болезни буквально косили солдат и офицеров Низового корпуса. До-

* Ныне административный центр одноименного района Воронежской области.

статочно сказать, что с декабря 1724-го по ноябрь 1725 года небоевые потери корпуса составили 5 тысяч 97 человек умершими (численность более чем трех полков), а с 1 июля по 1 октября 1726 года — 648 человек⁷⁹⁰.

Благополучнее сложилась последующая жизнь М. И. Ббрищева-Пушкина, постаравшегося, насколько возможно, непредвзято провести расследование дела Василия Иванова и Василия Языкова. Прослужив командиром 5-й роты Преображенского полка до 1727 года⁷⁹¹, он был произведен в полковники и назначен командиром Тверского драгунского полка. Выйдя в 1736 году в отставку, успешно трудился на государственной гражданской службе: занимал должности главы администрации Тульской провинции, затем — Ярославской. В сентябре 1741 года удостоился чина действительного статского советника⁷⁹² (соответствовал генерал-майору в армии).

Время кончины и места погребений В. И. Иванова и В. Г. Языкова неизвестны.